

© 2008 г. А. В. ЗЕЛЕНИН

ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ (1919–1939)

В статье анализируются теоретические и практические вопросы лексических заимствований на обширном материале русской эмигрантской прессы первой «волны». Предлагается тематическая (идеографическая) классификация, обсуждаются способы ввода лексических заимствований, рассматриваются типы так называемых «ложных друзей» (*faux-amis*).

Объект анализа в статье – эмигрантская пресса, что естественным образом акцентирует момент как непосредственного контактирования русского языка с речевой материей страны проживания эмигрантов, так и возможного дистантного влияния других языков¹. Практически неизбежным (если отвлечься от особых режимов сосуществования языков и языковых коллективов, например, замкнутой религиозной группы, проживающей на иноязычной территории) становится и заимствование из языка А (доминантного или доминантных, если их несколько) в язык В (миноритарный, анклавный). Русскую эмигрантскую прессу 1919–1939 гг. никак нельзя характеризовать как самодостаточную, концентрирующуюся только на своих внутренних (эмигрантских, российских/советских) проблемах, напротив – она достаточно внимательно следила и за событиями как в масштабах региона, так и мира в целом. На лексическом уровне это проявлялось во включении в речевую практику эмигрантов элементов иностранных языков как «осколков» чужой/другой культуры, жизни, быта. Поэтому изучение заимствований представляет собой комплексную исследовательскую процедуру, в которой тесно сплетены как собственно лингвистические аспекты (разные уровни языкового контактирования), так и экстралингвистические (культурные, политические, военные и др.).

ЗАИМСТВОВАНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ

В лингвистической литературе нет единства в понимании термина «заимствование», поскольку в него вкладывается зачастую содержание, определяемое задачами и методологией конкретного исследования. Так, У. Вайнрайх, один из основоположников контактологической лингвистики, или лингвистики языковых контактов (*contact linguistics*), считал заимствование (*borrowing, transfer*) начальной стадией интерференции при билингвизме [Вайнрайх 1979]. В данном случае заимствование выступает 1) как перенос языковых элементов (слов, морфем, фразем) одной языковой системы в другую, в результате чего происходит 2) межъязыковое отождествление элементов двух языков и языковое смешение (*mixing*), языковые отклонения (*deviations*) в речи билингва². Это

¹ «Потребности общения заставляют говорящих на одном языке вступать в непосредственный или опосредованный контакт с говорящими на соседних или культурно доминирующих языках» [Сепир 1993: 173].

² В настоящее время в теории билингвизма существует несколько концепций интерференции. Результат языкового и когнитивного взаимодействия в речи билингва контактирующих языков (интерференция) бывает отрицательный и положительный. Именно с исследования отрицательного воздействия доминирующего языка, порождающего эксцессы языковых отклонений во втором языке индивида, началось изучение данной проблематики в 50-е годы XX в. Литература по данной теме весьма обширна, укажем некоторые работы [Cummins 1979; Fishman 1985; Blanc 2000].

широкое понимание заимствования как процесса, интегрированного в речевую практику индивида, характеризующуюся явлениями интерференции. Широкого понимания данного термина придерживается, в частности, и один из ведущих отечественных специалистов по теории языковых заимствований в русском языке Л. П. Крысин: «Представляется целесообразным называть заимствованием **процесс перемещения** [выделено мной. – А.З.] различных элементов из одного языка в другой» [Крысин 1968: 18]; интерпретация заимствования именно как **синхронического процесса**, более релевантного и существенного для исследования, акцентируется также в работах Ш. Поплак, М. Мичан, Д. Санкофф, К. Миллера и др. [Poplack et al. 1988; Meechan, Poplack 1985]. В узком смысле слова заимствование – это инкорпорированные³ иноязычные элементы в язык некоторой группы говорящих [Thomason, Kaufman 1988: 37] или перенесенные из одного языка в другой «субстанциональные элементы»: морфемы, слова, фразеологизмы [Bybee et al. 1994: 1]; итак, заимствование предстает как материальный, конкретный результат языковых контактов на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях (established loanword). Предложены и языковые маркеры степени освоенности заимствования (в узком смысле термина) в языке [Lehman 1962: 213]; критическое обсуждение их дано в [Крысин 1968: 12–16, 35]; см. также [Heien 1984: 84].

Изучая заимствования в речи эмигрантов третьей волны в США, Д. Эндрюс задался справедливым и методологически важным вопросом: можно ли постулировать изоморфизм⁴ между процессами (и результатами) заимствования в языке метрополии и в речевой практике эмигрантов [Andrews 1999]? С этой целью он решил проверить успешность применения исследовательской процедуры, положенной в основание лингвистической теории заимствований, разработанной Л.П. Крысиным [Крысин 1968], применительно к узусу русскоязычных эмигрантов в США (так называемая третья волна эмиграции, 60–70-е годы XX в.). Д. Эндрюс вычленил из совокупности ключевых аспектов, на которых базировалось исследование Л.П. Крысина⁵, следующие, релевантные для изучения языка эмигрантов:

³ Термин «инкорпорирование» многозначный, и его значение различается в разных областях лингвистики. Например, в типологической лингвистике он обозначает конструктивную особенность грамматического строя, структурирующую высказывание как некое морфологическое целое либо в процессе полной инкорпорации (грамматическая единица, напоминающая по форме слово, в семантическом плане соответствующая предложению), либо частичной инкорпорации (грамматическая единица словного уровня, семантически равная словосочетанию). Диффузия слова и синтаксических единиц – главная типологическая черта инкорпорированных языков. В этом случае термин «инкорпорация» имеет значение «включение в свой состав» [Baker 1988; 2003]. Следовательно, в рамках типологического языкознания об инкорпорировании в русском языке говорить не приходится [КСЛТ 1995: 43]. С другой стороны, в теориях билингвизма и переключения кодов (code-switching) инкорпорирование на структурно-грамматическом уровне рассматривается в процессе влияния на язык А другого (В) или других (С, D, E) языков. В частности, один из ведущих специалистов в области теории перевода Мона Бейкер рассматривает вопросы инкорпорирования в следующем градуальном ряду уровней: а) на уровне слова (at word); б) на сверхсловном уровне (above word); в) на уровне грамматики (grammar); г) на уровне тематической структуры (thematic structure); д) на уровне внутритекстового единства (cohesion); е) на прагматическом уровне (pragmatic levels) [Baker 1992]. Причем Бейкер отмечает в процессе коммуникации особую роль двух последних уровней, нацеленных именно на решение коммуникативных задач [Ibid.: 217]. Мы ограничиваемся анализом инкорпорации на субуровне языковых элементов и на макроуровне речевых практик эмигрантов.

⁴ В 1980-е годы такие идеи высказывались, в частности, Х. Ольмстедом [Olmsted 1986].

⁵ У Л.П. Крысина подходы к изучению заимствований следующие: 1) что (какое языковое явление) можно назвать заимствованием; 2) причины заимствования; 3) виды или типы мигрирующих элементов; 4) виды или типы иноязычных слов как наиболее часто и регулярно заимствуемых языковых единиц; 5) освоение слова в заимствующем языке и разные стороны этого освоения; 6) признаки освоения иноязычного слова, позволяющие считать его заимствованным (т.е. определяющие свойства заимствованного слова, и, в первую очередь, принцип его отграничения от иноязычного слова) [Крысин 1968: 10].

- 1) каковы причины заимствования;
- 2) какие типы иноязычных слов чаще всего и наиболее регулярно заимствуются;
- 3) как иноязычные слова ассимилируются и как проходят процессы ассимиляции;
- 4) какие различия существуют между заимствованным и иноязычным словом [Andrews 1999: 14].

Оказалось, что в эмигрантском узусе английские заимствования, «пропущенные» через критерии Л.П. Крысина, представляют собой крайне диверсифицированный и далеко не такой гомогенный феномен. Фонетически многие из этих слов ближе к англоамериканским прототипам, их письменная форма может сохранять связь с латинской графической протоформой (например, чаще используется графический варваризм *tax forms* «налоговая декларация», но не *таксовые формы* во избежание потенциальной омонимии со словом *такси*). Другие слова, напр., *кеш* (< *cash* «наличные деньги») в речи эмигрантов довольно широко распространены; ср. *платить кешью* (жен. род) или *кешем* (муж. род), *окешить* (по данным М. Полинской), *окешевать* (глагольный дериват: эту глагольную форму подсказали автору сами эмигранты, однако в их речевой практике данный глагол исследователю не встретился). Д. Эндрюс все-таки сомневается в праве признать их ассимилированными (усвоенными и освоенными) заимствованиями – так ли они узуальны в эмигрантской речи? Третью группу слов (например, *викенд*, дериват *викендовый*) следует отнести скорее к ассимилированным заимствованиям (согласно критериям Крысина) и по фонетическим, и по деривационным, и по узуальным критериям [Andrews 1999: 14–17].

Проблема освоения и инкорпорирования заимствований в речь тесно связана с теорией переключения языковых кодов (*code switching*). Переключение кодов может происходить на границе предложений (*intersentential code switching*) и внутри предложений (*intrasentential code switching*). Внутри предложения переключение кодов может быть типизировано следующим образом: а) вставка (*insertion*), т.е. использование элемента другого языка как одного из компонентов в первом языке; б) мена языковых кодов (*alternation*), т.е. переключение на другой язык или грамматическую конструкцию в процессе речепорождения; в) конгруэнтная лексикализация (*congruent lexicalization*), т.е. объединение лексических элементов обоих языков в одном предложении [Muysken 2000]. Один язык является базовым (*base*), основным (*main*), в который и происходит внедрение, «вставка» (*insertion*) элементов из другого языка/других языков (*embedded*). В этом случае основной, матричный язык (*matrix language*) играет самую важную роль в определении таких феноменов, как порядок слов и появление грамматических (иначе – обусловленных языковой системой) морфем. Если на заре зарождения билингвизма Э. Хауген в мена языковых кодов усматривал отношения симметричности или альтернативности языковых элементов⁶, то в последующие годы стало ясно, что языковая картина переключения кодов более сложна. Например, Майерс-Скоттон исходит из той посылки (эти идеи высказывались еще в XIX в.), согласно которой двуязычный индивид обычно не имеет «полного» (в абсолютном смысле, т.е. с позиций монолингвального сознания) доступа к обеим грамматикам (своего и чужого языка) и его речевая морфосинтаксическая рамка «получена более чем из одного исходного языка» [Myers-Scotton 2002: 105]. Этот доступ регламентируется и ограничивается многими факторами: семейными традициями, полученным образованием, степенью толерантности к чужому языку/чужим языкам в обществе, личными склонностями индивида и т.д. При билингвальном речевом поведении могут появляться «вставки» и прочие лексико-грамматические новации. Однако какова природа этих «вставок» и отличаются ли они от так называемых синюминутных «заим-

⁶ В частности, на фонологическом уровне он разделял два процесса: перенос, «импорт» (*importation*) языкового элемента и замещение, замену (*substitution*) им в другом языке.

ствований» (*nonce borrowing*)⁷? По мнению Майерс-Скоттон, Ш. Поплак, Д. Санкофф и др. надежных методологических критериев отграничения этих двух феноменов друг от друга в лингвистике пока выработать не удалось; впрочем, очевидно, что окказиональные (сиюминутные) заимствования достаточно легко наблюдаемы и описываемы и необходимым условием предполагают факт билингвизма [Myers-Scotton 1993; Sankoff et al. 1990].

Э. Хауген, анализируя лексические заимствования в речи норвежцев, проживающих в Америке (США), разделил заимствованные лексемы на два класса: необходимые (*necessary*) и излишние, ненужные (*unnecessary*), использование которых избыточно и не имеет под собой достаточных лексико-семантических оснований, поскольку у таких неоправданных заимствований есть эквиваленты в родном языке индивида [Haugen 1953]. В современной типологии лексических заимствований принято говорить о так называемых стратегических заимствованиях (*strategic loanwords*) [Odlin 1989: 146; Hutz 2004: 196] или лексических компенсаторах (*lexical «repair»*) [Jaspaert, Kroon 1992: 139] на основании коммуникативных тактик говорящего. Лексические проблемы для билингва возникают вследствие дистанции между тем, что он хочет сказать, его коммуникативными интенциями, и тем, как он может это выразить. Для того чтобы преодолеть лакуны между своими коммуникативными нуждами и ограниченными коммуникативными ресурсами, говорящий и может прибегать к помощи заимствований. В этом случае говорящий предполагает или, по крайней мере, питает надежду, что слушающий (реципиент) или читатель знает и/или поймет значение заимствованного слова, иначе – говорящий апеллирует к языковой компетенции слушателя/читателя, предполагая сходство их лингвокультурной базы. К стратегическим заимствованиям говорящий также может прибегать тогда, когда он/она чувствует неуверенность в своем знании точного значения той или иной лексемы, особенно в том случае, если соответствующего понятия просто не существовало в период отъезда говорящего/говорящей из страны.

Типология заимствованных слов может базироваться и на диахроническом принципе, позволяющем разграничивать разные типы иноязычных лексем и анализировать динамику их освоения в языке-реципиенте. В частности, при анализе англицизмов в русском языке именно диахронический критерий послужил исходной базой классификации в известной книге В.М. Аристовой. Кратко представим предложенную автором типологию процессов заимствования:

1. **П р о н и к н о в е н и е** иноязычного элемента в язык-реципиент. Формальные и содержательные признаки: иноязычная графическая форма; дублетность; грамматическая и словообразовательная неупорядоченность; моносемность; синтагматическая ограниченность.
2. **З а и м с т в о в а н и е**. Признаки: прочная связь с языком-донором; грамматическая и словообразовательная стабилизированность; речевая (языковая) регулярность; включение в словообразовательные сети языка-рецептора.

⁷ Предлагалось именовать языковые элементы, спонтанно проникающие в речь индивида, сиюминутными, одномоментными заимствованиями (*nonce borrowing*) [Weinreich 1953; Sankoff et al. 1990; Poplack, Meechan 1998]. В теории Ш. Поплак, рассматривающей варианты переключения кодов, данный тип располагается среди следующих моделей: а) переключение кодов в аспекте эквивалентности языков (*code-switching under equivalence*); б) сиюминутные заимствования (*(nonce) borrowing*); в) компонентная вставка (*constituent insertion*); г) пограничный «переключатель» (*flagged switching*). В таком случае случайными заимствованиями считаются такие лексические единицы (*lexical item*) или связанные морфемы, которые морфологически или синтаксически интегрированы в первый, основной (*base*) язык, но не обнаруживают, не проявляют фонологической интеграции в систему языка-реципиента. От заимствований (*borrowings*) случайные заимствования отличаются тем, что: а) не удовлетворяют критерию частотности (*criteria of frequency*); б) степени освоенности (*degree of acceptance*).

3. У к о р е н е н и е. Признаки: утрата (забвение) этимологической связи с языком-донором; семантическая автономность; семантическая деривация, возможность идиоматического употребления; семантическая дифференциация в синонимическом ряду; узуализация; деривационная активность [Аристова 1978].

В типологии заимствований, разработанной Л.П. Крысиным, участвуют те же компоненты, что и в классификации В.М. Аристовой, но с важным социолингвистическим уточнением: одно из обязательных условий признания иностранного слова заимствованным – его использование в разных (как минимум двух) жанрах речи или в терминологическом аппарате науки [Крысин 1968: 35].

В принципе, принятое в русистике различие иноязычных слов как: 1) заимствованных (принятых, ассимилированных системой языка); 2) экзотизмов (иноязычных включений, определяемых изобразительно-художественными особенностями нарративного повествования); 3) иноязычных вкраплений (иноязычных словесных вставок с детализирующей или жанрово-стилистической целью) [Крысин 1968; Heisen 1984], разработано с опорой именно на диахронический принцип анализа. Как показали Х. Ольмстед и Д. Эндрюс, такая типология требует значительных уточнений и корректировок применительно к языку эмиграции. Небольшой, но выразительный пример Д. Эндрюса: уже упомянутое *уикенд* (*уик-энд*, *викенд*) в русском языке метрополии, появившись в некоторых жанрах письменного языка в 60-е годы XX в., до сих пор проходит этап адаптации, в то время как у русских эмигрантов США слово было давно полностью ассимилировано и интегрировано в их речевую практику [Andrews 1999: 11]. Таким образом, если для русского языка метрополии *уик-энд* (*уикенд*, *викенд*) остается экзотизмом (варваризмом), то для русскоязычного американского узуса оно – уже в ранге освоенного, инкорпорированного заимствования. Эмигрантский узус сокращает процессы включения и освоения иноязычных слов, фразем в речь, часто растянутые в языке метрополии на диахронической оси. Исследователи эмигрантского узуса справедливо отмечают объективную сложность интерпретации и квалификации заимствованных элементов. Эмигранты могут быстро инкорпорировать иноязычные элементы в свою письменную практику, осваивать и семантически, и деривационно, тем самым нормализуя, приспособляя их к русской морфологической системе и включая в свой узус: в речи русских американцев *лайсенз* (брит. *licence*, амер. *license* «лицензия, официальное разрешение на занятие какой-л. деятельностью»), *бедрум* (англ. *bedroom* «комната») – вовсе не иноязычные вкрапления или экзотизмы (с точки зрения русского языка метрополии), а именно заимствованные слова [Васянина 2001]. Разбросанность эмигрантов по разным континентам, включенность в жизнь той или иной страны определяет и типологию заимствований: например, упомянутые американизмы будут расцениваться уже не как заимствования, а как вкрапления (экзотизмы) в речи русскоязычных, проживающих в Европе. Таким образом, построить общую и непротиворечивую типологию иноязычных элементов в речи всей русской эмиграции вряд ли возможно. Совсем недавно высказывалось такое осторожно-скептическое мнение, что «создание коллективного лингвистического портрета русских американцев – невыполнимая задача» [Васянина 2001: 98], однако данные слова, на наш взгляд, применимы не только к речевой практике русских американцев, но и вообще – русскому языку в эмиграции; сходное суждение высказано также в [Мечковская 2004].

Именно поэтому использование понятий «матричный» (*matrix*) и «включенный» (*embedded*) языки при изучении эмигрантского узуса нам представляется чрезвычайно важным⁸, но еще, к сожалению, недостаточно или мало освоенным в российской лингвистической эмигрантологии и вследствие этого практически нерелевантным в исследова-

⁸ Одними из исследователей, наиболее последовательно и аргументированно проводящих эту линию, являются, в частности, Е.Ю. Протасова, Л. Найдич, Х. Пфандль [Протасова 2000; 2004; Найдич 2002; Naiditch 2004; Пфандль 1994; Pfandl 1997].

тельских процедурах. Ср. справедливое замечание: «Заимствования в русский язык, происходящие за пределами России, не всегда следуют тем же правилам, что заимствования из иных языков во внутрироссийском употреблении. <...> ...приходится исходить уже не только из норм русского языка, но также из матрицы доминирующего в окружении иного языка, из образа мыслей и стиля существования, отличающихся от российских» [Протасова 2000: 59].

Вместе с тем, разные языки оказывают неодинаковое воздействие на процессы и количество заимствований в речевом узусе русскоязычных эмигрантов: русские, выехавшие из России сразу после революции и проживающие в Италии, США, используют преимущественно французские слова, на втором месте – английские вкрапления; русские, живущие в Италии, обращаются к итальянским заимствованиям достаточно редко. По наблюдениям Е.А. Земской, «среди живущих в Германии эмигрантов немецкий язык распространен более, чем итальянский – среди живущих в Италии» [ЯРЗ 2001: 120]. В Китае «средством общения внутри этнических групп, безусловно, оставался родной [русский. – А.З.] язык», причем «большая часть русских, обосновавшихся в Харбине, по-китайски не говорила», так что «заметного взаимовлияния языковых систем русского и китайского языков на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровне не было» [Оглезнева 2004: 45–47]. Автор объясняет это 1) лингвистическими мотивами («типологическое различие между языками») и 2) культурно-доминантными: китайский язык не обладал статусом престижного (со ссылкой на высказывание А. Мартинс⁹) [Там же]. Другой пример. Хотя русский и финский языки относятся к разным языковым группам и следовало бы предполагать гораздо меньшее количество заимствований, чем, к примеру, в контактировании русского и итальянского (оба – индоевропейские языки), тем не менее лингвокультурная ситуация в Финляндии характеризуется обилием финских (а также английских, немецких, шведских) вкраплений в речь русских эмигрантов первой волны, живущих в Финляндии [Жанр 2004 (особенно статьи Е.А. Земской, А.В. Зеленина); Протасова 2004]. Пример Е.А. Земской с итальянским языком, на первый взгляд, типологически более близок китайско-русской языковой ситуации, чем, например, немецко-русским, англо(американско)-русским, франко-русским, финско-русским языковым контактам, однако совершенно очевидно, что для теоретических и практических выводов о качественном и количественном составе заимствований в русском эмигрантском узусе требуется проведение лонгитюдных исследований.

Какова их цель и практическая польза? Во-первых, данные собираются многократно, в разные моменты времени, и сравниваются (агрегируются) с родственными массивами данных. Во-вторых, лонгитюдные замеры позволяют проследивать то или иное явление в разных плоскостях:

- а) в аспекте глубинного исследования динамики языковой компетенции респондентов именно как представителей некой данной социальной группы (панельные исследования);
- б) в аспекте регулярных опросов реципиентов для выяснения того или иного конкретного языкового явления (трендовые исследования);
- в) в аспекте определенного социального, возрастного, образовательного и т.п. среза (когортные исследования).

Все эти типы и методы активно используются в социолингвистике и в билингвальных исследованиях на Западе; в качестве одного из примеров можно назвать [Field 2002], особенно глава 5 «Borrowing patterns in modern Mexico», где предложены конкретные методики лонгитюда. Российским лингвистам-эмигрантологам еще предстоит заняться такой работой.

⁹ «Язык одолевает своих соперников не в силу каких-то своих внутренних свойств, а потому, что носители его являются более воинственными, фанатичными, культурными, предприимчивыми» [Мартинс 1999: 43].

Сфера лексического взаимодействия языков и, вследствие этого, проникновения иноязычных элементов из одного языка в другой (из языка-донора в язык-реципиент), – одна из традиционно привлекающих внимание исследователей тема. И это не удивительно, так как на лексическом уровне быстрое и естественное всего заметны инновации в лексиконе эмигрантов. Люди, переселившиеся из одной страны в другую, сталкиваются с иными культурными канонами, традициями и манерами поведения, иной кухней, иными ментальными установками и проч.

Достаточно интенсивный процесс вхождения и использования иноязычных лексических элементов в русский язык был характерен для начала XX века, особенно в сфере публицистики и литературы [Лексика 1981]. По наблюдениям Л.П. Крысина, в 20-е годы заимствований в русский язык пришло вообще немного¹⁰. Этот список существенно сокращает Л.М. Грановская, относя некоторые из них к более ранней эпохе [Грановская 1978; 1983].

Изучая англо-американские заимствования в языке русской эмигрантской прессы в США, М. Бенсон классифицировал их использование следующим образом:

- 1) ситуационные, окказиональные заимствованные слова, диктуемые только иноязычным окружением (в его терминологии, это избыточные, излишние заимствования, unnecessary), например: *билдинг* – здание, *диск* – пластинка, *банд* – оркестр, *аппартмент* [sic] – квартира, *капентер* – столяр, *нёрс* – (медицинская) сестра, *офис* – контора и др.;
- 2) новые термины и понятия: *ча-ча-ча* (название танца) < *cha-cha-cha*, *самба* < *samba* (танец), *фризер* < *freezer* «морозильник», *мотель* < *motel*, *супермаркет* < *supermarket*, *торговая марка* < *trade mark*, *тостер* < *toaster*, *викенд* < *weekend*, *week-end* и др.;
- 3) заимствования, занимающие срединное положение между первыми двумя группами; это слова, которым трудно подобрать точные семантико-прагматические синонимы: *дача* – это то же, что *hungalow*? *работа* или *место* – то же, что *job*? *средняя школа* – то же, что *high school*? *хозяин* – то же, что *boss*? [Benson 1957: 261].

Классификация М. Бенсона свидетельствует о тесном переплетении при языковых контактах лексических аспектов заимствования с психолингвистическими, когнитивными механизмами. Например, сформированная Бенсоном так называемая группа «избыточных» заимствований выглядит далеко не безупречной с позиций русскоговорящего. С точки зрения денотативной номинации здесь все более или менее ясно: денотат один и тот же, только языковые обозначения отличаются, но вот с позиций прагматико-сигнификативной или ассоциативно-психологической структуры слова эта «избыточность» предстает в другом свете и едва ли может однозначно и безоговорочно отвергаться. Американское слово и понятие *apartment* имеет иной культурный ореол, иной прагматический «вес», чем слово *квартира* (особенно в зданиях, построенных в позднесоветское время, например в «хрущевках»); *нёрс* может отличаться от русской (советской) медсестры многими повседневными, статусными, даже профессиональными качествами; *офис* – это, конечно, контора, даже функции могут совпадать, но все-таки американское понятие функционирует в ином ассоциативном поле, нежели русский денотат. Сопоставления можно продолжать. Несовпадение прагматического потенциала русского и иноязычного лексического соответствия в языковом сознании наивного говорящего (naïve speaker) вызывает у многих индивидов естественное желание инкорпорировать иностранные слова в свою речь, поскольку они (слова) якобы точнее называют ту или иную реалию, чем русское обозначение; много выразительных примеров такого рода заимствований приведено, например, в [Andrews 1999; Протасова 2000; 2004]. Как будет

¹⁰ «Преобладающим в этот период был процесс освоения говорящими массами иноязычной лексики, заимствованной еще в дореволюционное время (главным образом – в самом конце XIX – в первое десятилетие XX в.), употреблявшейся в социально или профессионально замкнутых сферах. Заимствование новых слов было незначительным» [Крысин 1968: 83–84].

показано ниже, этот когнитивно-языковой феномен – интенсивный поиск эмигрантами семантических нюансов между русским и иноязычными обозначениями – многое объясняет в обилии лексических варваризмов в языке публицистики.

Уточним наше понимание варваризмов и их место в методологическом и терминологическом аппарате нашего исследования. Варваризмами считают такие слова, обороты речи, которые более или менее регулярно употребляются в языке-реципиенте, однако они не до конца освоены, сохраняют признаки иноязычности и стоят особняком в лексико-семантической системе. Их использование в языке метрополии обычно диктуется несколькими причинами разного лингвистического ранга:

- 1) номинативной потребностью: адекватность передачи иноязычной реалии при помощи слова (фразы) языка-донора;
- 2) «языковым вкусом времени»: престижность или мода на иноязычные элементы среди говорящих (социальной, политической, культурной группы) в ту или иную эпоху;
- 3) личностным психическим складом: нежелание, лень индивида подобрать эквивалент (если таковой существует) на родном языке;
- 4) художественными целями (обычно в литературе с характеризующей функцией).

В дальнейшем мы будем широко использовать данный термин как синонимичный термину «лексическое заимствование»; объективные трудности разграничения понятий «лексическое заимствование», «варваризм», «экзотизм» применительно к эмигрантскому языку уже отмечались исследователями. Указанное выше терминологическое разграничение основано на материале языка метрополии и связано с процессами вхождения иноязычного слова в лексическую систему языка в той или иной функции, на тех или иных правах ([Шахрай 1961; Габинский 1961; Брагина 1981; Егорова 1983; Баш 1989; Кимягарова 1989] и др.). В диаспоре проблема функционирования иноязычных элементов решается намного сложнее: например, многие финские иноязычные вкрапления (варваризмы) будут непонятны русским, живущим в Европе, Австралии, Канаде или Америке. Неизбежно приходится оперировать некоторыми теоретическими понятиями в рамках регионального варианта русского языка. Критерии начального этапа вхождения (варваризма) на пути к укоренению иноязычного (заимствованного) слова в лексиконе языка-рецептора рассмотрены в [Арапова 1989].

Описывая язык третьей волны эмиграции, Д. Эндрюс предложил тематическую систематизацию англо-американских заимствований, проникших в речь русскоязычных. Его классификация такова: 1) дом (квартира), окружающий ландшафт (Home/Apartment/Environs); 2) трудовая активность, занятость (Employment); 3) автомобили (the Automobile); 4) кухня (Cuisine); 5) повседневная жизнь (Daily Life); 6) академический, университетский мир (Academe) [Andrews 1999: гл. 2]. Это могут быть абсолютно новые денотаты, отсутствовавшие в прежнем (доэмиграционном, доотъездном) практическом (и языковом) опыте русскоязычных, и в таком случае можно говорить о языковом заполнении референциальных лакун. Это могут быть реалии не обязательно новые, однако функционирующие в иной референциальной сетке, в иной системе жизненных обстоятельств, представлений и понятий; это часто провоцирует у эмигрантов замещение русских лексических номинаций англо-американскими варваризмами.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ

Тематическая (идеографическая) классификация варваризмов важна и показательна и для нашего корпуса, поскольку позволяет маркировать те референциальные зоны в эмигрантском дискурсе, которые оказывались наиболее проницаемы для заимствований.

1. Сфера занятий, профессий, должностей. Новые заимствования-варваризмы для номинации иностранных высоких (высших) должностных лиц широко использовались в прессе: *министр-маршал*, *министр-президент*, *кайзер* (нем. *Kaiser* «император»), *юстиц-рат* = *юстицрат* (нем. *Justizrat* «советник юстиции»). Сюда же относятся старые

заимствования, существовавшие в русском дореволюционном узусе в качестве экзотизмов: *констэбль* (констебль), *министр-президент*, *премьер-министр*, *монсиньор* (итал. *monsignore* «ваша светлость, ваше высочество, ваше преосвященство (обычно при обращении)»), *доейн* = *дуайен* (франц. *doyen* «глава дипломатического корпуса») и др., но в эмигрантском речевом обиходе переместившиеся из разряда пассивной лексики ближе к центру публицистического лексикона – инокультурное окружение активизировало употребление данных понятий.

После ухода *монсиньора* Пачелли *дойеном* берлинского дипломатического корпуса должен стать Крестинский как старейший дипломат в Берлине (Сегодня. 1930. 2 янв. № 2);

В четверг был произведен обыск в квартире нотариуса *юстиц-рата* Вертгаусера... (Дни. 1925. 14 февр. № 691);

Министр-президент Г. Целмин намерен на будущей неделе созвать совещание представителей коалиционных фракций для обсуждения нового бюджета, принятого кабинетом министров (Сегодня. 1930. 8 янв. № 8);

...местный *констэбль* обнаружил у хуторянина А. Пайтса две приспособленные для самогона бочки... (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295).

Русские, живущие в США и Латвии, продолжали именовать градоначальника русским обозначением *городской голова*¹¹, хотя встречается и старос заимствование *мер* (= *мэр*):

На праздник будут приглашены губернатор..., *городской голова* г-н Буртон... (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35);

На этом митинге говорили Парсонс, Шлис и Фильден. На митинге присутствовал тогдашний *городской голова* г. Чикаго (Анархич. вестник. 1923. № 5–6);

В заключении заседания *городской голова* Н. Грюнталь обратился к гласным со словами благодарности за их внимательную, безкорыстную [sic] работу... (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295);

...*мэр* города Лангвилля... (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499).

Новизну термина *генерал-директор* (нем. *Generaldirektor* «генеральный директор») в эмигрантском узусе сигнализирует его «чистое» заимствование, морфологическая адаптация к русской морфологии отсутствует (ср. современную форму *генеральный директор*). Кроме того, сомнения эмигрантов в правомерности именования советского руководителя промышленности западным обозначением *генерал-директор* демонстрируют кавычки: функции руководителя совпадают на Западе и в СССР (денотаты близки или даже идентичны), однако для эмигрантов существенным оказывается прагматический (политико-идеологический) компонент смысловой структуры слова.

Гов. Жуков играет руководящую роль в советской радио-индустрии [sic]. <...> «*Генерал-директор*» Жуков собирается посетить ряд германских радио-станций. <...> Советский «*генерал-директор*» выразил надежду, что совместная работа русских и германских радио-техников [sic] приведет к дальнейшему преуспеванию в этой области (Руль. 1930. 25 марта. № 2836).

Эмигранты быстро инкорпорировали варваризм *функционер*¹² (нем. *Funktionär* «должностное лицо, (государственный) служащий; партийный, профсоюзный работ-

¹¹ В дореволюционной России председатель городской думы и городской управы.

¹² Есть в СУ с хронологической и ограничительной пометой: «*Функционер*, -а, м. (нов. загр.). Лицо, выполняющее какие-н.[нибудь] определенные функции в общественной организации, аппарате». В русский советский узус это слово не на правах экзотизма, но уже заимствования вошло спустя несколько десятилетий.

ник; активист» – в свою очередь из франц. *fonctionnaire*) для наименования руководящих работников эмигрантских партий, движений, групп.

...в РОВС-е¹³ всякое высокое назначение сопряжено с пожизненной индульгенцией на прощение грехов. Поэтому мы и надеяться не можем, чтобы санитарные мероприятия добрались до высоких «функционеров»... (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40).

В эмигрантской прессе виден значительный рост иноязычных обозначений рядовых, рабочих профессий, которыми пытались овладеть эмигранты; очень часто эти названия даются в транслитерации, нагромождение их создает впечатление макаронического косноязычия, однако за таким способом презентации профессиональных наименований стоят достаточно суровые условия эмигрантской жизни. Приведем характерные и выразительные объявления о приеме на работу, изобилующие варваризмами-регионализмами (предполагалось, что эти слова понятны людям, имеющим соответствующие профессии, и поэтому они помещались в тексте объявления без пояснений):

Требуется рабочие:

1. *шарпантье ан фер*
2. два хороших столяра (*эбенист*)
3. *ажюстеры* и *работеры*
4. токари (*турнер-деколтер*)
5. фрезеры (*фрезер-утийер*)
6. *ажюстеры*, имеющие практику на машин-утий, *фондеры* и *кулеры* (*фондер де пломб э кулер де гресс пляк*) [объявление в газете] (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164);

Требуется рабочие:

1. токари и *ректифиеры* (*турнер де фабрикасьон э ректифиер*)
2. *ажюстеры*, токари, *фрезеры* и *утийеры*
3. токари (*турнер-профессионель*)
4. *ажюстеры* (*ажюстер-профессионель*) <...>
10. токари, *реглеры*, *фрезеры*, хороши *персеры* и *ажюстеры-монтеры* (*турнер вертико э параллель, реглер де тур, ажуостер-монтер д'антретиен*)
11. токари и *ажюстеры* (*турнер-утийер э ажуостер-монтер пур л'антретиен дэ Блисс*)
12. токари и *утийоры* (*утийор ан матрикс д'эстампаж*)
13. *маневры* в камноломни [объявление в газете] (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)¹⁴.

Среди приведенного обширного списка рабочих профессий встречаются только два русских узуальных обозначения: *слесарь* (давно обрусевший германизм *Schlosser*), токарь, которые, впрочем, тут же конкретизируются французским соответствием (либо однословным термином, либо аналитической дескрипцией); в отличие от адаптированного в русском языке метрополии наименования *фрезеровщик*, в эмигрантском узусе оно встречается как чистое заимствование *фрезер*¹⁵. Все прочие названия – транслитерация французских терминов-профессионализмов, более знакомых, узнаваемых эмигрантами именно в иноязычной форме. Газета ориентируется на языковую компетенцию, запросы своих читателей и прибегает к такой усложненной (транслитерированной) системе записи понятий и реалий. Иноязычные названия дают читателю газеты более точную

¹³ РОВС – Русский общевойсковой союз.

¹⁴ Французские прототипы: *charpentier en fer* – арматурщик; *ébéniste* – 1) краснодеревщик, 2) столяр; *régleur* – наладчик; *ajusteur* – наладчик; *raboteur* – строгальщик; *tourneur* – токарь; *fraiseur* – фрезеровщик; *outilleur* – наладчик, механик; *fondeur* – литейщик; *colleur* – наклеивщик, расклейщик; *rectifier* – шлифовщик; *régleur* – наладчик; *perceur* – сверловщик; *monteur* – монтажник, сборщик; *manœuvre* – разнорабочий, подручный.

¹⁵ В СУ *фрезер* дается как полный вариант слова *фреза* только для обозначения технической детали: одушевленного существительного (*nomen agentis*), в отличие от эмигрантского узуса, не отмечается.

информацию о профессии, нежели русские наименования. Таким образом, семантические лакуны (в частности, при наименовании профессий), заполняемые варваризмами, – одна из наиболее вероятных зон, через которую проникали иноязычные лексические элементы в русский эмигрантский узус. Ср.:

Эмигранты работают в Шанхае на самых разнообразных поприщах, начиная от «вочманов» (вооруженных сторожей при конторах и банках) и «бодигаров» (телохранителей богатых китайцев) и кончая служащими иностранной полиции и даже военными «волонтерами», образующими русскую роту шанхайского волонтерского корпуса, предназначенного для охраны города (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7).

Те названия профессий, которые приходят в Европу из других частей мирового рассеяния русских, обычно сопровождаются текстовыми ремарками: *бодигар* (англ. *body-guard* «личная охрана, телохранитель»), *вочман* (англ. *watchman* «ночной сторож»). Использование иноязычных профессиональных наименований, имеющих русские лексические эквиваленты, в европейской газете чаще выполняло стилистическую и прагматическую функцию, маркируя необычные для европеизированного дискурса референты. Таким образом, одно и то же заимствование в языковой практике одних эмигрантов могло оказываться варваризмом, инкорпорированным в узус, у других – региональным (локальным) экзотизмом, не включенным в речевую ткань. В этом и заключается сложность квалификации заимствований и деление их на варваризмы и экзотизмы в языке диаспоры.

2. Лексические варваризмы, обозначающие общественно-политические, социальные, экономические реалии. В одних случаях варваризмы выполняют номинативную функцию, называя какие-либо территориально-государственные, конституционные термины, принятые в стране пребывания русских эмигрантов: *билль* (англ. *bill* «законопроект»), *гетто* (нем. *Getto*), *дискреционная власть* (ср. нем. *diskretionäre Gewalt* «дискреционная власть»¹⁶); *конвент* (в буржуазной Эстонии – объединение, союз, совет), *кресы*, *кресовый* (польск. *kresy* «окраинные восточные польские земли; часть территории Западной Украины и Белоруссии, относившаяся к Польше»), *ландсвер* «ополчение балтийских немцев и латышей-добровольцев»), *пресс-бюро* (нем. *Pressebüro*), *селтьмент*¹⁷ (англ. *settlement* «колония, поселение»), *староство* (польск. *starostwo* «административная единица в Польше»), *эзекутива* (вероятно, непосредственно из польск. *egzekutywa* «исполнительный комитет, исполнительная власть», хотя источник во франц. *exécutif* «исполнительный; исполнительная власть, исполнительный орган, комитет»), *юнион*, *юнионизированный* (англ. *union* «объединение, профсоюз»; *unionized* «объединенный»).

Ассистент садоводства и пчеловодства при Ирбоском сельскохозяйственном конвенте живет на станции Ирбоска (Вести дня. 1940. 13 февр. № 36);

...установлен следующий порядок выдачи нансеновских паспортов: бесподданные иностранцы в порядке известной постепенности будут вызываться в уездные и городские староства... (Руль. 1930. 25 марта. № 2836);

...губернатор Морфи заявил, что обе стороны – Дженерал Моторс¹⁸ и юниона – склонны к уступкам и находятся на пути к достижению соглашения (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35);

¹⁶ Предоставленное законом главе государства, правительства или иному высшему должностному лицу право действовать по собственному усмотрению в определенных условиях (например, при чрезвычайном положении).

¹⁷ Есть в СУ с ярким идеологическим толкованием: *Сеттьмент* (сэ, мэ), -а, м. (полит., геогр.). В нек[ото]рых крупных городах Китая – часть территории, управляющаяся, в силу неправомерных империалистических договоров, независимо от китайских законов и властей.

¹⁸ Примечательно, что имя собственное сохраняет форму оригинала, оставаясь неизменяемым аналитическим словосочетанием, в то время как имя нарицательное юнион легко включается в русскую морфологическую систему.

Мы не говорим уже о той шумихе в левой печати как иностранной, так и, к стыду нашему, русской, которая поднята за последнее время вокруг вопроса о Балтийском *ландсвере* (Призыв. 1919. 5 (23) сент. № 46);

...Тибор Самули – чахоточный садист и грабитель из подонков венгерского *гетто*... (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39);

...русские эмигранты хорошо себя зарекомендовали и на иностранном *сельмените*, находящемся в руках англичан и американцев (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7);

Партия конгресса объявила, что она будет бороться против новой конституции. Местные парламенты не согласились образовать местных правительств для отдельных провинций, требуя, чтобы английские губернаторы отказались добровольно от своей *дискреционной власти* (Меч. 1937. 11 апр. № 14);

«Роботник» в № 356 помещает интервью с вице-премьером Тугуттом о *кресовых* делах. Положение на *кресах* – по мнению министра – особенно в отношении безопасности улучшилось... (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405));

Исполнительный комитет (*эксекютива*) III Интернационала требует немедленно специальных ассигнований для того, чтобы обеспечить за собой влияние на французские выборы 1928 года (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854);

Член сионистской *эксекютивы* профессор З. Бродецкий приезжает в Ригу сегодня утром в 7 часов утра. В 10 часов утра у него состоится прием представителей сионистских партий и президиумов студенческих корпораций (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1).

Другой тип заимствований – варваризмы с характеризующей интенцией, передающие специфические понятия, рожденные в том или ином языке и получившие широкое хождение в международной печати благодаря своему обобщенному, метафорическому значению: *унтермени* (нем. *Untermensch* «неполноценный человек») ¹⁹, *аншлюс* (нем. *Anschluss* «присоединение: здесь – аннексия Австрии гитлеровской Германией»), *дуче* (итал. *duce* «вождь»), *фюрер* (нем. *Führer* «вождь, руководитель»), *наци* (нем. *Nazi* «нацист; фашист»). В перечне языков – поставщиков варваризмов, быстро проникавших в интернациональный публицистический лексикон 20–30-х годов, – первое место принадлежит немецкому и итальянскому, в которых появилось много новых понятий и обозначений рсферентов фашистской идеологии. Часть русских эмигрантов с тревогой и осуждением следила за развитием фашистского движения, часть – с надеждой сотрудничества и чаяниями общей борьбы с советским большевизмом. Отсюда и разный модус оценки фашистских понятий и терминов в политических группировках русской диаспоры.

Большевизм – это ставка на то худшее, что имеется в какой-то степени в душе каждого человека и каждого народа. Ставка, как метко выразился Гитлер, на «*унтермени*»'а (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39);

Под водительством *Дуче* Италия преодолевает, достигает, добивается, – одним словом, работает для своего лучшего национального будущего (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38);

...русские эмигранты с радостной искренностью слили свои голоса с кликами народных толп, приветствовавших совместное появление *Фюрера* и *Дуче* [sic]... (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39).

¹⁹ Это понятие было актуальным и широко распространенным в европейском дискурсе с конца 20-х – первой половины 30-х годов в связи с приходом к власти фашистов, в жаргоне которых термин *Untermensch* обозначал «неариец, представитель низшей расы; “недочеловек”».

Из французского языка пришла группа общественно-политических номинаций, имеющих во французских прототипах финаль *-tion* и в русском языке традиционно передаваемых словами на *-ция*: *коммунализация* (< франц. *communalisation* «общинность, общественное управление»), *атомизация* (< франц. *atomisation*; перен. «раздробление, расчленение»), *валоризация* (< франц. *valorisation* «установление новой системы цен»), *канализация* (< франц. *canalisation*; перен. «направление; концентрация»), *руссификация* (влияние франц. *russification* вместо уже принятого в русском языке метрополии *русификация*). Неузואальный характер многих варваризмов сигнализируют кавычки.

Отсутствие общинной жизни все сильнее чувствуется в Америке. Сама жизнь подсказывает целесообразность и неизбежность коммунальных объединений. <...> Может быть, путь к анархическому коммунизму, в широком смысле, лежит именно в направлении *коммунализации* (Анархич. вестник. 1924. № 7);

...националисты [в Германии. – А.З.] провели всю избирательную кампанию под лозунгом «*валоризации* ценностей». Этот лозунг был чрезвычайно выигрышным, так как огромные массы населения совершенно разорены полным обесценением разного рода бумаг довоенного времени (Дни. 1925. 30 янв. № 678);

Но власть понимает также, что для нее удобнее эта легализованная Церковь, эта «*канализация*» религиозного бытия России, чем новое загнивание всей Церкви в подполье (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107);

Наступает конец «*атомизации*» Европы, т.е. состояния разрозненности, при котором каждое государство стремится идти своими путями (Младоросская искра. 1933. 25 февр. № 36);

...если великодержавной политикой рижская газета называет политику агрессивного империализма, аннексии или насильственной *руссификации* – то такую политику младороссы категорически отрицают (Младоросская искра. 1933. 25 февр. № 36).

Оба варианта *руссификация/русификация* широко использовались эмигрантами (конечно, прагматические оценки могли меняться и варьироваться от издания к изданию); в русском языке СССР понятие имело негативную коннотацию²⁰.

Абстрактных имен существительных (кроме уже упомянутых) в данной тематической группе немного: *солидаризм* (франц. *solidarisme* «единомыслие; концепция согласия всех сил общества»), *абсентизм* (франц. *absentéisme* «неявка, прогул»)²¹, *паллиатив* (франц. *palliatif* «полумера, временное средство»)²², *маффия*²³ (итал. *maffia*), представля-

²⁰ Приведем толкование, содержащее обширные, явственно эксплицированные прагматические и социально-политические компоненты данной лингвоидеологемы, из СУ: «*Русификация*, -и, мн. нет, ж. (книжн. полит.). В царской России – насильственное подавление местной национальной культуры, внедрение среди национальных меньшинств, населявших царскую Россию, православия, русского языка с целью их ассимиляции. Русификация была самым характерным проявлением антинародной, великодержавной национальной политики царского правительства». В этой дефиниции собственно семантические компоненты содержательной структуры понятия перекрываются прагматическими (партийно-идеологическими) наслоениями, бытовавшими в советском дискурсе той эпохи.

²¹ Актуализировано в эмигрантском узусе; первые упоминания в русском языке – начало XX в. [Лексика 1981: 221].

²² Зафиксировано в СУ.

²³ Очевидно, произошло вторичное заимствование, совершившееся уже в период эмиграции; впервые слово *мафия* = *маффия* отмечается в начале XX в. как итальянский экзотизм [Лексика 1981: 221]. В пользу вторичного заимствования говорит и прототипическая (итальянская) графическая форма, и кавычки как показатель новизны понятия. Об освоении (графическом, семантическом, словообразовательном) данного слова и понятия в русском языке метрополии подробнее см. [Зеленин, Михайлова 1993].

ющих частотные элементы публицистического лексикона. Все эти обозначения позднее вошли и в русский язык метрополии, однако непосредственный контакт русского языка значительно облегчил инкорпорирование данных варваризмов-терминов в эмигрантский узус (или, по крайней мере, в газетно-публицистический стиль).

Два пути лежат перед людьми: прогресс или регресс, гибель или спасение – *солидаризм* или обе его противоположности, имеющие тем не менее одинаковую основу: капитализм или коммунизм (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31);

Венерические заболевания – явление обычное и тем более трагическое, что лекарства отсутствуют и врачи вынуждены прибегать к *паллиативам* (Голос России. 1932. июль № 12);

Выборы отличались очень сильным *абсентизмом*. Процент голосовавших редко превышал 50, в нескольких местах он опускался до 30 (Дни. 1925. 27 янв. № 675);

...состоялась лекция г. Гайшмана о деятельности «*маффи*», которая организовалась в самом начале войны (Огни. 1924. 11 февр. № 6).

Из английского (американского) языка в русскую эмигрантскую печать проникли англицизмы (американизмы) *ракитир* = *рэкеттер* (англ. *racketeer* «вымогатель»; перен.: человек, пользующийся нечестными, незаконными приемами для достижения своих целей)²⁴, *киднэппер* (англ. *kidnapper* «похититель (людей, особ. детей)»)²⁵, *гангстер* = *гэнгстер*²⁶ (англ. *gangster* «бандит»). Эти слова входили в публицистический лексикон многих стран; эмигрантская пресса намного раньше освоила эти варваризмы, нежели советская публицистика.

Возобновление сессии Конгресса [США. – А.З.] в начале будущего года может ознаменовать первую серию политических ходов против Рузвельта. Еще до того могут определиться явные и тайные ходы Уолл-Стрита. Наконец, в любой момент возможно «непосредственное действие» – ходы *гэнгстеров* и их эпигонов «*киднэпперов*» и «*рэкеттеров*» (Младоросская искра 1933. 15 авг. № 32).

Доминирует, как и следовало ожидать, номинативная субстантивная лексика; в нашем корпусе встретился единичный глагол *арбитраживать* (нем. *arbitrieren* «оценивать, давать заключение»), который является «чистым» заимствованием из немецкого публицистического лексикона:

[Король Альберт. – А.З.] отнюдь не был королем-мещанином, подлаживающимся под средний вкус. Он не заискивал: он *арбитраживал* (Младоросская искра. 1933. 25 февр. № 36).

3. Сфера культуры, развлечений, образования. В этой группе прежде всего следует назвать варваризмы, связанные с номинацией реалий кинематографического мира: *экстерьер* (франц. *extérieur* «натурные съемки»), *интерьер* (франц. *intérieur* «съемка внутри помещения»), *трюкаж* (франц. *triquage* «трюковая киносъемка; комбинированные съемки; трюк»). Появление лексических заимствований в речевой практике эмигрантов объясняется референциальными лакунами в области бурно развивающейся киноиндустрии.

²⁴ Подробнее об истории освоения данного слова и понятия в русском языке см. [Зелени 1991].

²⁵ Л.П. Крысин фиксирует употребление слова *киднэппинг* в русском языке метрополии только в середине 1960-х годов [Крысин 1968: 171].

²⁶ В русском языке метрополии слово *гангстер*, по мнению Л.П. Крысина, было впервые употреблено И. Эренбургом в памфлете «Гангстеры» (М., 1941) [Крысин 1968: 145].

Люди устраивали развлекательные мероприятия, *фатинги* (очевидно, искаженная форма от франц. *fête* «праздник, гулянье» или англ. *fete*; возможно допустить семантические влияния южнонем. *Fasching* «масленица, карнавал»), *тэ-дансаны* (франц. *thé dansant* «вечеринка с танцами»), ходили на *матинэ* (франц. *matinée* «утренний, дневной спектакль»), танцевали в *танцбарах* (нем. *Tanzbar*) и *дансингах* (из англ. через франц. *dancing* «танцевальный зал»), посещали *ресторан-бары* (нем. *Restoran-bar*) или *мюзик-холлы* (англ. *music hall*)²⁷, смотрели *оперетки-ревю* (франц. *opérette-revue*) с участием *герлс* (= *гэрл* = *герльс*; англ. *girl*)²⁸, слушали *джаз* (англ. *jazz*)²⁹, участвовали в *лотереях-аллегри* (итал. *allegri* «веселы/веселые» (мн. ч.)) от начальной формы *allegro*³⁰ и *лотереях-концертах*, играли в *хальму* (нем. *Halma* «уголки» (вид восточной игры)):

Рижское Ремесленное Общество 25 января и 1 февраля 1930 – грандиозные *фатинги* (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1);

27-го января в 11 часов утра... состоится *матинэ* арий и романса артистки Мариинской оперы Зинаиды Юрьевской (Огни. 1924. 21 янв. № 3);

9 июля... состоится *тэ-дансан* с 17 до 24 ч. для отправки на летние каникулы русских девочек. В концертном отделении примут участие известная пианистка Маргарита Саальберг, певица Ирина Кедрова, К. Балашев и др. Интересная лотерея. *Джаз*. Буфет [объявление] (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191);

Директор парижских и провинциальных театров, кинематографов, цирков и *дансингов*, драматурги и сценаристы, кинорежиссеры, большие и малые актеры, даже театральные критики единодушны в вопросе упразднения зрелища на все время, пока будет существовать нынешний, непомерно высокий налог на зрелища (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14);

Танц-бар «3 Musketicre» (Пуль. 1930. 4 янв. № 2768);

...Губерт Маришка, даже американцев изумляющий умопомрачительными тратами, и теперь, для своей новой *оперетки-ревю*, ухлопал... около двухсот тысяч шиллингов! (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11);

Этот маленький деспот, светловолосая хищница, вампир с невинным лицом, в теле «*гэрл*» *мюзик-холля* [sic], желающий пробить дорогу на подмостках... (Возрождение. 1935. 15 марта. № 3572).

В 20–30-е годы XX в. для перифрастического обозначения (кино)звезды, а также популярного, выдающегося мастера, деятеля русские эмигранты использовали галлицизм *ведетта* (франц. *vedette*; перен.: «знаменитый/ая актёр/актриса; знаменитость, звезда»),

²⁷ Есть в СУ (Дополнения. Т. 4) в форме *мюзик-холл* как ориентация на графический облик иноязычного слова. Очевидно, эмигранты произносили (или слышали) среднеевропейское [l] как мягкий звук [л'], графическая форма (буквосочетание *ль*) подтверждает это. С этим связано, кстати, и окончание *-и*, а не *-ы*.

²⁸ Это английское слово было известно европейцам чаще всего в специализированном, «музыкально-театральном», значении «танцовщица мюзик-холла», которое распространилось в европейском культурном лексиконе, очевидно, через французское посредство (сфера кабаре), где и была осуществлена эта семантическая специализация англицизма. В русский советский узус оно попало, скорее всего, непосредственно из американского английского, минуя европейские языковые посредники.

²⁹ В СУ: *Джаз*, *-а* и *джаз-банд*, *джаз-банда*, м. В эмигрантской прессе нам встретилась только сокращенная форма, полной формы (*джаз-банд*; англ. *jazz-band*) в нашем корпусе не содержится. Очевидно, эмигранты ориентировались на европейский устный (речевой) узус, а не на письменную форму.

³⁰ *Лотерея-аллегри* – лотерея с результатом, который становится известным сразу после приобретения лотерейного билета.

семантически идентифицировав его с русским *звезда* и, на основании этого, осуществив последующую морфологическую субституцию: франц. (*vedette*)e → русск. (*звезд*)a. Американизм *стар* (англ. *star* «кинозвезда; выдающаяся личность») европейцам в те времена был еще неведом, поэтому они именуют заимствованным галлицизмом любую, в том числе и американскую кинозвезду:

Известная американская *ведетта* Виль Роже, выступавшая перед микрофоном одной станции в Нью-Йорке, получила за каждую минуту своего выступления круглую сумму в <...> 25 тысяч франков. Правда, к чести *ведетты* нужно сказать, что весь гонорар был пожертвован на благотворительные цели (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499):

...каждый из них [летчиков эскадры «Бальбо», – А.З.] не меньший орел, не меньшая «*ведетта*», чем все индивидуальные рекордсмены [sic] и чемпионы (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32).

Пестрый национально-этнический состав эмиграции и стремление сохранения национальных традиций, обрядов инспирировал «выброс» на страницы печатных органов некоторых регионализмов, обозначавших те или иные национальные реалии. Отсюда использование таких варваризмов (экзотизмов, в собственном смысле термина), как *кеманча* (кяманча «3–4-х струнно-смычковый музыкальный инструмент, распространенный в Закавказье»), *тара* «кавказский струнный музыкальный инструмент»:

Впервые в Праге был устроен вечер кавказцев, организованный обществом кавказоведения. <...> Вечер закончился танцами под кавказский квартет (квартет? видимо, описка в газете. – А.З.): *тару*, *кеманчу*, *тэп*³¹ и *типипитонгон*³² (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164).

Из области педагогики, воспитания отметим два варваризма: чехизм (богсмизм) *кураториум* «опекунский совет» и галлицизм *креш* (франц. *crèche* «детские ясли»).

Во главе управления курсами стоял *кураториум* во главе с председателем Земледельческой Едноты³³ Прокупексом (Огни. 1924. 25 февр. № 8);

Национальный Фашистский Институт <...> делит свои заботы между матерью и ребенком и весь период его кормления молоком и сосредоточивает свои заботы исключительно на ребенке после этого периода, организуя *креши*, детские сады, пункты детского питания и т.п. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39).

Итак, заимствования новых лексических номинаций в сфере культуры, развлечений и нашем корпусе эмигрантских газет составляют довольно значительную часть общего объема варваризмов. Это объясняется двумя причинами: а) наличием референциальных лакун при номинации новых денотатов; б) стремлением сохранить исходное обозначение языка-донора с целью точной идентификации реалии.

4. Область спорта. Это наиболее открытая заимствованиям номинативная сфера, что объясняется необходимостью наименования спортивных реалий, названия которых часто отсутствовали в русском языке в момент эмиграции людей из России. В этой группе варваризмов, несомненно, лидируют англицизмы; уже в то время очень многие из них быстро становились интернационализмами и свободно мигрировали из языка в язык (от английских спортивных терминов и их трансплантации в разные языки см. [Dauzat 1929; Ott 1935; Amsler 1952; Benson 1958; Крысин 1968; Becker 1970; Pasqualini 1974; Schneide 1974; Vierek 1980; Новикова 1992; Попов 2003] и др.). Заимствования могут обозначать:

³¹ Англ. *tap dance (tap-dance)* «чечетка».

³² Нам не удалось выяснить значение и происхождение данного термина.

³³ Чеш. *jednota* «единство».

• Виды спорта, составные части спортивного матча: *волей-бол*³⁴ (англ. *volley-ball*), *рестлинг* (англ. *wrestling* «борьба, бой»), *ватер-поло*³⁵ (англ. *water polo* «водное поло»), *гейм* (англ. *game* «игра, матч»), *сервис* (англ. *service* «подача мяча»), *сингл* (возможно, из английского через французское посредство *single* «партия (в теннисе, гольфе), в которой участвуют только два противника»), *корнер* (англ. *corner* «угловой удар»), *хав-тайм* (англ. *half time* «первая половина игрового времени»), *эвент* (англ. *event* «этап, период (в соревновании)»). Очевидна графическая зависимость наименований видов спорта от облика прототипов в языке-доноре: *дебль*³⁶ (англ. *double* «парная игра (в теннис)»).

Первый *гейм* прошел с большим напряжением и закончился в пользу «Руси» со счетом 15 на 9 (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405);

...Боротра уже был чемпионом Франции, Англии и Америки на закрытых площадках. Единственно, что мешает безусловно предсказать победу Боротра, это то, что в настоящее время у него хромает *сервис* (Возрождение. 1932. 3 янв. № 2406);

В смешанном *дебле* Швыковская и Финберг выиграли у Озолинь и Котовича в трех сетах (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12);

Победитель прошлого турнира Ошин проиграл в мужском *сингле* А-группы Розенталю П. в двух сетах 15:21, 18:21 (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12);

Перед самым концом *хав-тайма* французам удастся отправить в сетку русских ворот один мяч, отбить который русскому голкиперу Туманову было абсолютно невозможно (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162);

Дождливая погода несколько омрачила этот замечательный спортивный праздник. Перепадавшие ливни тормозили розыгрыши отдельных *эвентов* (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192).

Семантическая близость между англицизмом *рестлинг* и русским аналитическим обозначением *вольная борьба* прсодолевалась не элиминацией варваризма, не их семантическим уравниванием, а его семантизацией и закреплением в лексической системе эмигрантского узуса, возможно, благодаря семе «борьба без правил», отсутствующей в русском обозначении; *рестлинг* – это не просто (и не только) спортивная борьба, но с нарочито жесткими, рассчитанными на театральность присмами, борьба с элементами шоу. Наличие дифференциальной семы было решающим фактом заимствования однословной номинации-варваризма (*рестлинг*).

Вместе с просьбой передать новогодние поздравления русским спортсменам Парижа мы получили от К.А. Пожелло из Кливленда (штат Охайо) ворох программ, афиш и номеров журнала «Рестлинг» (Борьба) и «Рестлер» (Борец), свидетельствующих о кипучей и успешной деятельности б.[ывшего] чемпиона России в роли борца и организатора матчей вольной борьбы (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500).

• Наименования организаторов, спонсоров спортивных матчей, спортсменов, игроков команды: *промотер* (англ. *promoter* «покровитель, спонсор»), *бек* (англ. *back* «защитник (в футболе)»), *голкипер* (англ. *goalkeeper* «вратарь»), *инсайд* (англ. *inside* «полусредний нападающий»), *катчмен* (англ. *catchman* «борец в стиле американской борьбы, кетча»³⁷), *рестлер* (англ. *wrestler* «борец»), *хав-бек* (англ. *half-back* «полузащитник»), *центр*

³⁴ В СУ в форме волейбол.

³⁵ Есть в СУ.

³⁶ Возможно, опечатка вместо более ожидаемого *дабль/дабл*. Примечательно, что этот варваризм эмигранты относили к существительным мужского рода.

³⁷ Кетч (англ. *catch* «хватать») – вид профессиональной борьбы, разрешающей разнообразные приемы.

(англ. *centre* «центральный игрок, центровый»), *центр-форвард* (англ. *centre forward* «центральный нападающий»).

В своей новой роли «промотера» К.А. Пожелло успел создать себе отличное реномэ. Под его опытным руководством матчи борцов вольного стиля пользуются исключительным успехом у избалованной американской публики. На арене Кливленда ему удалось организовать выступления изумительного итальянского «катчмена» Савольди... (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500);

Из русских игроков большой похвалы заслуживают: Туманов, впервые в Париже выступавший в роли *голкипера*, вся линия *хав-беков* (Алексеев, А. Федоров и Грюнберг, левый край Путьнин, *центр* Воврашевич и в особенности правый *инсайд* Краубнер). Очень много пришлось поработать обоим *бекам* Плавскину и М. Вешке, спасавшим неоднократно свои ворота от почти неминуемых мячей (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162).

В нашем корпусе отмечен только один галлицизм, характеризующий эмоционально-психологическое состояние игры: *брио* (франц. *brio* «живость, оживление»); его использование, на первый взгляд, никак не мотивируется семантически, поскольку русские эквиваленты *азарт*, *страсть*, *кураж* (обрусевший галлицизм: < *courage* «храбрость, мужество») вполне ему адекватны, однако варваризм в русском тексте – след французского спортивного языка, автоматически, по языковой инерции, или – напротив – сознательно оставленный в газетной колонке автором репортажа на спортивную тему.

Третий гол был вбит из «толкучки» центр форвардом [sic] Воврашевичем, игравшим со свойственным ему «брио» (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162).

Такое обилие спортивных варваризмов на страницах русской эмигрантской прессы объясняется стремлением точной трансляции лексических элементов спортивного профессионального языка (жаргона), понятного всем (или многим) говорящим ввиду интернационального характера данных понятий.

5. Сфера технических наименований. Эта группа немногочисленна, она характеризует эмигрантский узус с двух сторон: а) сохранение в речевом обиходе устаревших и вышедших из употребления в русском языке метрополии 20–30-х годов лексических номинаций; б) активное заимствование новых иноязычных технических обозначений.

а. Примером первой тенденции может служить следующий терминологический ряд: *биоскоп* – *кинематограф* – *кино* – *синема*. Слово *биоскоп* (нем. *Bioscop* = *Bioskop*³⁸; из греческих элементов) встречается в эмигрантской прессе наряду с более новыми словами *кинематограф* (франц. *cinématographe*, но на русской языковой почве трансформированное по немецкой орфоэпической модели, более близкой к древнегреческому этимону) и *кино* (нем. *Kino*)³⁹. Слово *биоскоп* в нашем корпусе отмечено в газете самого конца 30-х годов, что позволяет сделать вывод о том, что в эмигрантском узусе данная номинация сохранялась, в то время как в русском языке метрополии она уже давно вышла из употребления⁴⁰. Ср. пример из нашего корпуса, где слово *биоскоп* имеет значение «кинотеатр»:

³⁸ В ноябре 1895 г., приблизительно за месяц до демонстрации первого фильма братьями Люмьер, М. и Э. Складановские в Берлине представили публике свой *Bioscop* (*Bioskop*) «кино-просектор». Однако биоскоп Складановских не стал общераспространенным киноаппаратом из-за его массивности, тяжеловесности; в отличие от быстро исчезнувшей реалии, термин все же использовался некоторое время. Впервые техническое значение в слове *биоскоп* отмечено в словаре Webster (1913 г.): «An animated picture machine for screen projection; a cinematograph (which see); an archaic term replaced by movie projector».

³⁹ Рассмотрение тематического ряда *биограф* – *биоскоп* – *иллюзион* – *кинемат* – *кинематограф* – *кинемо* – *кинетоскоп* – *кино* – *синемотограф* – *синема* – *электричка* – *электротheater* дано (с последующей библиографией) в [Lehikoinen 1990: 140–142]; см. также [Крысин 1968].

⁴⁰ СУ не отмечает данного понятия даже как историзма, очевидно, ввиду краткосрочности его языковой жизни.

Вследствие громадного интереса продолжен в обоих *биоскопах* грандиознейший фильм под режис.[сурой] гениального Сесилия Б. дэ-Миля «Царь Царей». Жизнь и страдания Бого-Человека [sic] (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418).

Слово *кино* в эмигрантском узусе использовалось в двух значениях: 1) кинотеатр; 2) кинофильм, кинопредставление.

«Течение времени». *Кино* «Пари-суар» (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073);

[В Пасхальную ночь. – А.З.] все церкви были повсюду переполнены. Тщетно красные власти всю эту ночь зазывали на всякие безбожные театральные зрелища и кино, тщетно хулиганы из «безбожных союзов» устраивали перед церквями на улицах маскарадные шествия... (Голос России. 1931. 2 авг. № 1);

После телеграфа и телефона звуковые кинематография и кино открыли безпредельные [sic] возможности осведомления человека (Младоросская искра. 1933. № 36. 25 февр.).

Однако намного чаще, чем усеченная форма *кино* (нем. *Kino*), в эмигрантском языке употреблялось обозначение *кинематограф* и его производное *кинематографический*. Слово *кинематограф* использовалось, судя по материалам в нашем корпусе, в значении «кинотеатр», однако в адъективном деривате *кинематографический* явственно видна мотивированность как предметным («здание»), так и отвлеченным существительным «киноиндустрия, кинопромышленность; кинематография», ср. следующие примеры:

- *Кинематограф* «помещение, здание» (в связи с этим примечателен также конкретизирующий синоним *киноздание* – явное свидетельство реакции узуса на необходимость устранения омонимии, затрудняющей точность коммуникации).

Директор парижских и провинциальных театров, *кинематографов*, цирков и дансингов, драматурги и сценаристы, кинорежиссеры, большие и малые актеры, даже театральные критики единодушны в вопросе упразднения зрелища на все время, пока будет существовать нынешний, непомерно высокий налог на зрелища (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14);

Дом, в котором помещается известный *кинематограф* того же названия, подвергся основательной переделке и представляет в настоящее время образец приятной соразмерности... (Руль. 1930. 1 янв. № 2766);

Обещанное к праздникам Рождества *кино-здание* [sic] <...> стоит без окон и дверей и даже без крыши, несмотря на «американский» темп хода постройки: морозы и снега приостановили работы (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295).

- *Кинематографический* как «связанный с показом фильмов»:

Они ничему не научились, совершенно не раскаялись, остались теми же политическими изуверами, упорно продолжают свою кайнову работу – думалось мне, смотря на *кинематографическом экране* несомненно инспирированную эс-эрами картину «Der Tanz auf dem Vulkan» (Призыв. 1920. 12 (28.2) марта. № 61);

Накануне Нового года в городе Пазлей после обеда происходило *кинематографическое представление* для детей. Внезапно в будке демонстратора возник пожар <...> Когда через 2 минуты после подачи тревоги примчались пожарные команды, весь *кинематограф* уже горел как свеча (Руль. 1930. 2 янв. № 2767).

- *Кинематографический* «связанный с киноиндустрией, производством фильмов»:

Вчера после обеда у калифорнийских берегов в воздухе на высоте 700 метров столкнулись два аэроплана, принадлежавшие *кинематографическому обществу* «Фокс-фильм» <...> С аэро-

планами погибли 10 человек, в том числе директор «Фокс-фильма» Хаукс, муж *кинематографической артистки* Мэри Астор и его брат... (Руль. 1930. 4 янв. № 2768).

Более ранний вариант *синематограф* (во французской фонетической оболочке) был вытеснен германизированной формой *кинематограф* еще в дореволюционном узусе по двум причинам: 1) благодаря аналогическому выравниванию с немецкими словами *кино*, *кинемо*; 2) под влиянием греческой протоформы [Лексика 1981: 229–230]. В эмигрантской прессе *синематограф* уже не встречается.

Термин *синема* (франц. *cinéma*) получил заметную активизацию в русской прессе, выходящей во Франции, по вполне понятной причине – повсеместности этого слова во французском языке. Однако преобладания этой формы в русском эмигрантском узусе не наблюдается; напротив, можно говорить о дистрибуции обеих форм: лексема *кино* в 20–30-е годы уже стала интернационализмом, *синема* оставалась регионализмом (галлицизмом). Последнее слово сохраняет, согласно французской морфологии, родовую принадлежность к мужскому роду и в русской речевой практике:

[Матросу. – А.З.] приходится уйти с толпой зрителей из зала, и тут к ужасу своему в дверях он сталкивается с механиком, партийным начальством и несколькими матросами с того же корабля, зашедшими от безделья по случайности в тот же *синема* (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072);

«Потерянные горизонты». *Синема* «Шан-з-элизе». «Потерянные горизонты» идут с пятницы в *синема* «Шан-з-элизе» (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073).

Представим приведенные выше лексические материалы в виде таблицы.

Таблица 1

Лексема	Значение «помещение»	Значение «фильм»
<i>биоскоп</i>	+	–
<i>кино</i>	+	+
<i>кинематограф</i>	+	+
<i>синема*</i>	+	–

* Хотя во французском языке слово имеет два значения: 1. «здание»; 2. «кинопредставление», в нашем корпусе встретилось только первое значение, но это отнюдь не значит отсутствие второго значения в русском эмигрантском узусе.

Итак, можно говорить о доминировании слова *кинематограф* и его производного в эмигрантской прессе, лексема *синема* скорее встречается только во французской русской прессе. В русском языке 20–30-х годов лексема *кинематограф* (и производное *кинематографический*) «суживается и по значению, и по сфере употребления» [Lchikoine 1990: 142] и замещается новой усеченной формой *кино*. В эмигрантском узусе лексемы *кино* и *биоскоп* оставались несколько на периферии по отношению к основному слову *кинематограф*.

б. Примером второй тенденции являются новые заимствования: *акцидентный* (нем. *Akzidenz* «бланки, извещения, рекламные проспекты»), *вапоризация*, *вапоризованный* (< франц. *vaporisation* «распаривание; обработка паром») ⁴¹, *камион* (франц. *camion* «грузовая машина; грузовик»), *конвейер-система* = *конвеер-система*

⁴¹ Это понятие было хорошо знакомо особенно эмигрантам, живущим во Франции – стране с развитой традицией косметологии; термин стал популярен в 20–30-е годы.

(англ. *conveyer system*), *монитор* (англ. *monitor* «тяжелый военный корабль»), *телевизия* (франц. *télévision* «телевидение»)⁴², *телевизионировать* (франц. *téléviser*, англ. *televiser* «передавать по телевизионному аппарату»), *трафик* (франц. *trafic* в специализированном, суженном значении «незаконная торговля, спекуляция» из английского *traffic* «транспорт; перевозка»), *холдинг* (англ. *holding company*, франц. *holding* «холдинговая компания»), *циклокар* (франц. *cyclocar* «автомобиль мотоциклетного типа»; в русском языке это заимствование было адаптировано как *циклокар* в результате морфемного выравнивания слов с уже усвоенным первым компонентом *цикло-*). Их использование в эмигрантском узусе объясняется или появлением новых технических реалий и понятий, отсутствовавших в дореволюционном языке, или замещением варваризмами тех номинаций, которые в русском языке до 1917 г. находились на лексической периферии ввиду их новизны или принадлежности специальной терминологии; например, аналитическое словосочетание *грузовая машина* было известно в русском языке и до 1917 г., однако семантическое стяжение *грузовик* – это уже факт советского времени, неизвестный эмигрантам. Разумеется, вытеснение старых технических номинаций обуславливалось и тенденцией к замене аналитических терминов однословными (*тяжелый военный корабль* → *монитор*).

Порт почти свободен от льда. Один британский *монитор* уже поднимался вверх по течению Двины (Голос Родины. 1919. 8 мая. № 259);

Общее количество автомобилей, мотоциклеток, моторных лодок и пр. составляло во Франции 977 315 с суммированной их мощностью в 8 421 950 лошадиных сил; распределение их по категориям было таково: автомобилей – 541 438 шт., *камионов* – 267 470; *циклокаров* – 27 541; мотоциклетов – 137 979 и моторных лодок – 1 887 (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854);

Телевизия на Парижской выставке [название заметки. – А.З.];

Как известно, в павильоне радиотелефонии на парижской выставке ежедневно происходят публичные телевизионные передачи. На днях этот павильон посетил французский министр ПТТ⁴³, в последнее время особенно интересующийся *телевизией*. Он позволил себя «*телевизионировать*» во время своего интервью, так что присутствовавшая в павильоне публика могла видеть министра на экране в то время, как он давал интервью относительно *телевизии* (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107);

Аппарат В 2, с регулятором *вапоризации* на 4 степени 150, 225, 300 и 400 градусов, франко с перевозкой и упаковкой в деревянном ящике (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26);

Акционерное общество стремится наложить руку на другие общества. Для этого достаточно приобрести «контрольный пакет», т.е. столько акций, сколько нужно, чтобы распоряжаться обществом. <...> Это и есть «*холдинг*» – узаконенный грабеж (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21);

Например: сшить одну скроенную штанину, считая приклад, нужно полчаса. Другую тоже полчаса. Прикроенную жилетку сшить на машине – полчаса. <...> Считая на закройку, сборку и утюжку еще два, два с половиной часа – вся работа значит будет готова в три часа. Это вот и есть *конвейер-система* (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

Итак, технические варваризмы в нашем материале характеризуются следующими признаками: с одной стороны, сохранением и консервацией старых технических обозначений, бытовавших в дореволюционном языке, с другой стороны – проникновением в ре-

⁴² Зафиксировано также в устной речи русских во Франции [РЯЗ 2001: 53] и США [ЯРЗ 2001: 151].

⁴³ Транслитерированная аббревиатура для обозначения почты Франции (РТТ): *Poste. Téléphone. Télégraphe*.

чевую практику заимствованных слов, обозначающих новые, появившиеся в 20–30-е годы, технические реалии и понятия.

6. Сфера бытовых обозначений. Парадоксально, но данная группа варваризмов, вопреки ожидаемому, оказалась в нашем корпусе довольно ограниченной. Новые заимствования касаются:

- типа билетов, проездных документов: *шифскарта* (нем. *Schiffskarte* «билет на корабль»):

Продажа *шифскарт* во все страны мира и на морские увеселительные поездки (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

- украшений, предметов туалета, одежды: *батик* (франц. *batik* из малайского «рисунок на ткани»), *вулкан-фабр*⁴⁴ (нем. *Vulkanfiber* «вулканизированная фибра (ткань)»), *канотье* (франц. *canotier* «соломенная шляпка»), *клипс(а)* (англ. *clip* «брошь»), *комбинэ* (сокращение от франц. *combinaison de femme* > *combine* «комбинация (нижнее женское белье)», англ. *combination*), *комбинешен* (англ. *combination* «комбинезон»), *ламэ* (франц. *lamé* «парча; ткань с люрексом»), *пешуар* (возможно, опечатка вместо ожидаемого *пошуар* от франц. *pochoir* «трафарет, шаблон (для рисования, вышивки, выкройки)»), *пуловер*⁴⁵ (англ. *pull-over* «вязаная кофта без застежек; свитер»), *туид* (англ. *tweed* «вид шерстяной ткани»), *шлюпфер* = *шлипфер* (нем. *Schlüpfer* «трико (дамское)»):

На пароход [при бегстве из Крыма. – А.З.] я сидел – у меня багажу было всего одна иголка в лацкане, а в городе Константинополе носильщик снес за мной на берег чемодан *вулкан-фабр* и плед с подушкой (Руль. 1930. 1 янв. № 2766);

Золото на черном – очень красивое и эффектное сочетание, и иногда вся отделка заключается в золотых ювелирных украшениях: булавка на плечике, крупных «*клипс*» у декольте, пряжки на поясе, сережек и т.д. Черное пальто, отделанное барашком, теперь не выглядит мрачно и даже несколько траурно, как это было раньше, потому что вокруг шеи всегда повязан хотя бы маленький шарф из простроченного *ламэ* или из шелка самых неожиданных ярких тонов, например, фиолетового с красным, зеленого с оранжевым (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499);

Техника прикладн.[ого] искусства – раскраска материй. *пешуар*, *батик*, пентюр люминес, выжиганис. [объявление. – А.З.] (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887);

«*Канотье*» всяких сортов, всяких тонов, всяких размеров царит среди летних моделей. <...> Хорошо выбранная, купленная в хорошем доме шляпа, может изменить всю внешность наряда, сразу придать любому платью модный и элегантный вид. А кроме того, дорогая шляпа не так скоро выйдет из моды. Лучше иметь одним платьем меньше, но не пожалеть денег на хорошее «*канотье*» (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192).

- обозначений национальных особенностей кухни, приема пищи: *супэ* (франц. *souper* «ужин, вечерний обед»⁴⁶), *гриль* (франц. *gril* «жаровня», англ. *grill*), *плум-пудинг*⁴⁷ (англ. *plum-pudding* «запеканка, пирог (с приправами, пряностями)»), *бреэкфест* = *брэкфест* (англ. *breakfast* «завтрак»; этот англицизм в 20–30-е годы часто упоминался в европейской русской прессе):

Ресторан имеет собственную пекарню, *гриль* и пр. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766);

⁴⁴ В СУ: *фибр* – *фибра* (чаще).

⁴⁵ В СУ дано с ограничительной пометой *снец.[иальное]*, что свидетельствует о неузловом характере варваризма. В эмигрантском лексиконе это слово использовалось широко.

⁴⁶ Едва ли русский эквивалент был хуже или семантически бледнее, однако референциальный каркас понятия был иным: *souper* – это именно «поздний ужин» (после спектакля, во время вечеринки).

⁴⁷ В СУ зафиксировано слово *пудинг*.

...у большинства англичан в настоящее время развязался язык и... они перестали довольствоваться бифштексами и *плум-пудингами*... (Руль. 1930. 4 янв. № 2768);

Герцог никогда не завтракает и ограничивается только «*брэкфестом*», пятичасовым чаем и обедом. Герцогиня завтракает с друзьями или дома, или в ресторане (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192);

Если Вы хотите счастливо и весело встретить Новый год, то приходите в новогоднюю ночь хоть на 5 минут к Н. Гриневскому. <...> Готовится что-то необычайное. *Супэ* 5 мар.[ок] (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

Итак, в русский эмигрантский узус быстрее и естественнее всего попадали наименования сферы моды, театра; у «европейских» русских (преимущественно в Германии и Франции) интерес вызывали английские понятия, связанные с особенностями бытового поведения этого народа.

СПОСОБЫ ВВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Прежде всего, надо отметить наличие значительного числа вариантов (орфографических, морфологических, лексико-семантических), содержащихся в нашем корпусе. В принципе, это не уникальная ситуация при вхождении заимствованной лексики в структуру языка-реципиента; любопытно, что и в русскоязычной прессе, находящейся в иноязычном окружении, и в языке метрополии исследователи отмечают высокую степень вариативности как одну из ярких особенностей начального этапа освоения заимствований [Крысин 1968: 79; Протасова 2004: 120 и сл.]. В нашем корпусе представлены следующие типы варьирования.

1. Графико-орфографические варианты. Они имеют несколько подтипов.

- вариативность, вызванная заимствованием слова из разных языков, где оно имеет разное оформление: *комбинешен* «женское нижнее белье» (англ. *combination*) – *комбинэ* (франц. сокращение *combiné* «грация; род корсета для женщин: эластичный широкий пояс, охватывающий торс»); *ракитир* = *рэкеттер* (англ. *racketeer*; в первом случае ориентация на фонетику и графику английского прототипа, во втором – на французскую форму *racketter, racketteur*);

Инвентурная распродажа начнется во вторник: чулки, носки, перчатки, <...> рейтузы, *комбинэ*, нижнее платье, ручные сумочки (Сегодня. 1930. 5 янв. № 5);

Денные рубашки. *Комбинешен*. Юбки-принцес (Дни. 1925. 1 февр. № 680).

- вариативность, вызванная стремлением к сохранению графического или фонетического прототипа: *джаз* (англ. *jazz* [dʒæz]; ориентация на фонетику) = *джац* (ориентация на графику), *гангстер* = *гэнгстер* (англ. *gangster*; в первом случае ориентация на графику всего слова, во втором – на фонетику гласного звука); *люмпен-пролетариат* = *лумпен-пролетариат* (нем. *Lumpenproletariat*; ориентация либо на графику, либо на фонетику);

Возобновление сессии Конгресса [США] в начале будущего года может ознаменовать первую серию политических ходов против Рузвельта. Еще до того могут определиться явные и тайные ходы Уолл-Стрита. Наконец, в любой момент возможно «непосредственное действие» – ходы *гэнгстеров* и их эпигонов «киднэпперов» и «рэкеттеров» (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32);

Берлинские газеты единодушно сообщают, что коммунистические отряды, пытавшиеся сорвать организованную социал-демократами грандиозную манифестацию протеста против реакции, были набраны среди самых темных элементов берлинского *лумпен-пролетариата* (Дни. 1925. 31 янв. № 679).

• графическая вариативность (кириллица и/или латиница), обусловленная либо новизной варваризма, либо трудностью адекватной передачи слова кириллической графикой: *weekend* = *уикэнд* = *викэнд* = *викенд*, либо сосуществованием разных способов включения слова в русский язык: *Entente* (иноязычное вкрапление) = *Антанта*⁴⁸ (транслитерация) = *Согласие* (семантическая калька):

Американские автомобильные фирмы изобрели совершенно новый способ продажи своих машин. Он предоставляет молодым девушкам, независимо от их социального положения, совершенно новые автомобили последней модели и бесплатное пользование на каждый «уикэнд» в течение 4 месяцев (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191);

Многие англичане за последние годы приняли за правило проводить свой пресловутый *Weekend* [sic; с заглавной буквы] на материке (Руль. 1930. 4 янв. № 2768);

Далее Троцкий прохаживается насчет империализации *entente*, которую он считает копированием методов Гогенцоллернов и находит союз с Германией возможным и желательным (Возрождение. 1919. 9 июля. № 3);

Телеграфное агентство принесло известие о том, что по решению конференции в Aix-les-Bains отдельные державы могут вести переговоры с Россией «лишь в том случае, если они не противоречат интересам всей *Антанты*» (Воля России. 1920. 18 сент. № 6);

Несомненно <...>, что мы вовлечены в очень опасный конфликт, куда ходом вещей будут втянуты и германское правительство и правительства стран *согласия* (Возрождение. 1919. 12 окт. № 86).

2. Вариантность морфологических форм. Выделяются следующие подтипы морфологического варьирования:

• сосуществованием в эмигрантском узусе двух морфологических форм, разговорной и литературной, получивших отражение в письменной практике: *кельнерá*, *шлюпферá* (с ударным разговорным окончанием -á) и *кельнеры*, *шлюпферы* (с литературно-нормативным безударным окончанием -ы), *пулловера* = *pull-over*'ы (особенно интересно то, что в русифицированной форме используется разговорный морфологический вариант, в письменной же – стилистически нейтральное окончание множественного числа существительных мужского рода с основой на твердый согласный).

Шлюпферы (дамское белье) (Дни. 1925. 1 февр. № 680);

[Распродажа:] кофты, *пулловера*, костюмы, *шлюпфера* (шерст.[яные], шелк.[овые]) (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12).

• родовая вариативность, существовавшая в дореволюционном языке: *фильм* (муж. рода) = *фильма* (жен. рода). И в русском языке метрополии 20–30-х годов это слово имело колебания в роде [Карцевский 2000: 234; Крысин 1968: 81; Lehtiköinen 1990: 135].

На колебание морфологической формы варваризмов существенное влияние оказывало взаимодействие ранее заимствованного иноязычного слова со своим прототипом. Обычно иноязычное слово заимствуется в какой-либо одной грамматической форме, даже если в языке-доноре оно обладает иными грамматическими конфигурациями; морфолого-синтаксическая и семантическая модификация совершается уже в языке-реципиенте [Новиков 1963]. В эмигрантской прессе мы находим, в частности, такое воздействие грамматических категорий прототипов на заимствованные ранее в русский язык иноязычные лексемы:

⁴⁸ А. Мазон отмечал даже *Антант* (муж. рода) [Mazon 1920: 16]. В нашем корпусе эта форма не встречается.

• категория числа. Иноязычные заимствования *реальность*⁴⁹, *трикотаж*⁵⁰ в кодифицированном русском языке используются как *singularia tantum*, однако возможность использования их в форме множеств. числа в языке-доноре переносится и в русский эмигрантский узус: франц. ед. *réalité* – множ. *réalités*; ед. *tricotage* – множ. *tricotages*. М.Я. Гловинская относит такие случаи к «нарушениям идиоматического правила в морфологии», так как распределение имен существительных по классам *singularia* и *pluralia tantum* «специфично для разных языков, а внутри одного языка достаточно лексикализовано». Нарушения в кодифицированных нормах использования категории числа в результате иноязычного влияния М.Я. Гловинская, в рамках разрабатываемой ей концепции неустойчивых зон языка, квалифицирует, в частности, как «ошибки на “идиоматических” участках» ([Гловинская 2001: 44]; там же приведены примеры из речевой практики разных волн эмиграции). Приведем несколько цитат из нашего корпуса:

Дело представляли так: те, кто, утверждая, что вот-вот начнется разоружение и будет обеспечен вечный мир, – те человеколюбы и хотят мира; а те – кто не верил в эту словесность и предупреждал о тысяче противодействующих *реальностях* [sic; правильно: реальностей], – те милитаристы, империалисты и вообще злодеи человечества (Руль. 1930. 25 марта. № 2836);

[Распродажа:] ...верхние *сорочки-трикотаж*и, галстуки [sic], кашнэ (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12).

• категория рода: *Марсель* (название города) в русском языке склоняется как существительное мужского рода по опорному слову «город», однако под французским влиянием род может изменяться – *Marseille* (женск. род); возможно, повлияла и финаль имени собственного – мягкий согласный, которым также могут характеризоваться существительные женского рода мягкого типа склонения:

Социалистический конгресс в *Марсели* [sic]... (Огни. 1924. 11 февр. № 6).

3. Лексико-семантическая вариативность – варьирование плана выражения (русское и/или иноязычное слово) при общности (близости) плана содержания. Смысловое освоение иностранных лексем сопряжено с поиском лексико-семантических эквивалентов в русской лексической системе. Наличие в нашем корпусе варваризмов, имеющих почти идентичные или очень близкие русские лексические эквиваленты, связано со спецификой процессов заимствования в языке диаспоры, обычно усиливающих семантико-прагматический «вес» иностранного обозначения. Варваризмы используются для именования вполне привычных понятий и реалий, которые, будучи помещенными в иноязычный и инокультурный контекст, приобретают в языковом сознании эмигрантов прагматические «приращения» (многочисленные примеры приведены, например, в [Andrews 1999; ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001; Протасова 2000; 2004]). В первую очередь это касается специальных наименований; причины проникновения такого рода варваризмов в эмигрантский узус – следование иноязычному прототипу, стремление к точному дефинированию иностранной реалии (прежде всего производственных, профессиональных понятий и отношений): *аксидан* (франц. *accident* «несчастный случай») ⁵¹, *волонтер* (франц. *volontaire* «доброволец») ⁵², *дискретные расследования* (нем. *diskrete Untersuchung* «секретное, тайное детективное расследование»), *жирант* (нем. *Girant* из франц. *gérant* «жирант, индоссант; лицо, делающее на векселе передаточную надпись»), *комбатант* (франц. *combattant* «фронтовик, непосредственный участник боевых действий»), *контр-*

⁴⁹ В СУ: *Реальность*, -и, мн. нет, ж. (книжн.).

⁵⁰ В СУ: *Трикотаж*, -а, мн. нет, м.

⁵¹ Зафиксировано также в устной речи русских во Франции [РЯЗ 2001: 53].

⁵² Старое заимствование, восходящее к началу XVIII в., но активизированное в русском эмигрантском узусе.

метр (франц. *contremaître* «мастер, бригадир, прораб»), *шупо* (нем. *Schupo* < *Schutzpolizist* «немецкий полицейский (до 1945 г.)», *принцесс-рояль* (англ. *princess royal* «старшая дочь английского короля»):

На металлургическом заводе в Лотарингии русский, работавший при доменной печи в числе двенадцати человек, также русских, отказался подняться вторично на смену наверх. *Контр-метр* сообщил в бюро, что он, рабочий, не хочет работать – и рабочего уволили (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164);

Тринадцать лет в Германии существовала 4-миллионная организация *комбатантов*, в кою входили бывшие офицеры и солдаты, принадлежавшие ко всем классам общества. Тринадцать лет длилась в Германии разруха и беспорядки [sic], и эта организация много говорила и ничего не делала (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38);

Эмигранты работают в Шанхае <...> даже военными «*волонтерами*», образующими русскую роту шанхайского волонтерского корпуса, предназначенного для охраны города (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7);

Судебная палата заслушала вчера дело 25-летнего Карла Берзиня, который обвиняется в подлоге векселя в 108 латов. На векселе Берзинь совершил подлог подписи *жиранта* Карла Тилита, передав означенный вексель с подложной передаточной надписью дальше, за свои личные денежные обязательства (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12);

Детектив Bonstedt. *Дискретные* расследования, наблюдения, справки, адреса (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

Подтолкования (при помощи русских синонимов или близкозначных слов) возможны, но не обязательны; всё зависит от редакционной позиции или представления издателей газеты о степени освоенности того или иного варваризма в узусе эмигрантов: некоторые газеты ориентируются на потенциальных читателей во многих странах (в этом случае подтолкования обычны), другие издания – на региональные колонии русских беженцев (в этом случае подтолкования встречаются спорадически; предполагается общая апперцепционная база беженцев, живших в одной стране).

Принцесса Мэри, графиня Хервусская, по случаю Нового года пожалована титулом королевской принцессы – («*принцесс-рояль*»)⁵³ (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405);

Национальный Фашистский Институт по борьбе с несчастными случаями во время работы (*аксиданы*) и с профессиональными болезнями (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39);

3 и 4 февраля произошли [в Данциге. – А.З.] коммунистические выступления. Небольшие группы подонков организовали шествие к Сенату. Ярko бросались в глаза алые знамена с надписью «Долой социал-демократию», «Смерть лжецам социал-демократии», «Да здравствует III Интернационал». А по бокам этой шумной и хулиганящей толпы шли чинно, в ногу, в такт звукам «*Интернационала*» данцигские <...> «*шупо*» (полицейские) (Дни. 1925. 11 февр. № 688).

Интересную семантическую трансформацию испытало понятие «официант», которое репрезентируется в нашем корпусе следующим лексическим рядом: *лакей* – *гарсон* – *кельнер* – *garçon*. Русские эмигранты обычно использовали два варваризма: *гарсон* и *кельнер/кельнерша*.

Гарсоны приглашаются на собеседование о своих насущных нуждах в ресторан «Пти Эрмитаж» (Последн. новости. 1940. 1 янв. № 6853).

⁵³ В газете опечатка; должно быть *принцесс рояль*.

Денотативное размежевание старого русского слова *лакей* и варваризма *гарсон* происходило по пути вытеснения первого (гиперонима) и узуализации второго (гипонима); конкретное по значению иноязычное заимствование имело более узкий объем понятия «работник ресторана, бара» в отличие от экстенсионала слова *лакей* «тот, кто состоит в прислуге».

Лакей (garçon), кельнерша и посудомойник с многолетней практикой <...> ищут постоянную работу в русских ресторанах [объявление. – А.З.] (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161).

Варваризм *кельнер/кельнерша* используется эмигрантами для номинации профессии официантов не только в Германии, но и в Англии (собственные обозначения *waiter/waitress*), и в Советской России. Примечательно, что даже во Франции для наименования женщины-официанта было принято слово *кельнерша* [РЯЗ 2001: 56]. Несколько примеров из нашего корпуса:

Особенно бросается в глаза назойливое и настойчивое ухаживание за иностранцами [находящимися в СССР. – А.З.] прислуживающих им *кельнеров*. Все *кельнера*, конечно, являются агентами ГПУ (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1);

...на одной из дорог близ Эпсوما [в Англии. – А.З.], в канаве была найдена мертвой <...> молодая очень красивая девушка Ангела Кесон, служащая *кельнершей* в одном из чайных ресторанов Лондона (Руль. 1930. 20 июня. № 2906).

Таким образом, в эмигрантском узусе самым общим словом для обозначения официанта/официантки в ресторане был германизм *кельнер/кельнерша*, который практически вытеснил русское *лакей*. Галлицизм *гарсон*, судя по нашим материалам и данным других работ по языку русской эмиграции, являлся регионализмом.

По ходу изложения мы уже упоминали о фактах более раннего проникновения в эмигрантский узус некоторых слов, которые в русском языке метрополии оказались заимствованными позднее. Причина этого кроется как в собственно лингвистической плоскости (непосредственное контактирование языков, конечно, заметно облегчает процессы заимствования), так и в идеологической области (в советский дискурс некоторые буржуазные понятия проникали с трудом или цензурировались или вовсе запрещались, а старые варваризмы изгонялись из него). Приведем таблицу некоторых слов-варваризмов из нашего корпуса в сопоставлении с датой первой лексикографической фиксации лексемы в русском языке метрополии (см. таблицу 2).

Таблица 2

Слово в эмигрантской прессе	Первая фиксация слова в русском языке метрополии
<i>абсентизм</i>	начало XX в. [Лексика 1981: 307]
<i>ажюстер</i>	конец XIX–нач. XX в. [Лексика 1981]
<i>гангстер</i>	начало 40-х годов XX в. [Крысин 1968]
<i>герл</i>	<i>гёрлс</i> : И-79
<i>дискофил</i>	СЭС
<i>дуче</i>	И-64
<i>инсайд</i>	40–50-е годы [Крысин 1968]
<i>канотье</i>	Орф-74

Слово в эмигрантской прессе	Первая фиксация слова в русском языке метрополии
<i>киднэппер</i>	середина 60-х годов (<i>киднэппинг</i>) [Крысин 1968]
<i>клипс(а)</i>	начало 70-х годов: Ож-73
<i>комбатант</i>	И-64
<i>Луна-парк</i>	СУ: <i>доревол.</i> [юционное] и <i>загр.</i> [аничнос]
<i>наци</i>	40-е годы: БАС-1
<i>промотер</i>	<i>промотор</i> : И-64
<i>ракитир = ракеттер</i>	МАС-1
<i>рестлинг</i>	<i>реслинг</i> : НС
<i>солидаризм</i>	70-е годы [БСЭ-2]
<i>туид</i>	<i>твид</i> : Орф-74
<i>уикэнд</i>	середина 60-х годов [Крысин 1968]
<i>функционер</i>	СУ: <i>нов.</i> [ое] <i>загр.</i> [аничное]; ср. актуализацию: ТСРЯ 1998: 655–656

ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ

Влияние первого языка на второй обычно называют трансфером, который может быть квалифицирован либо как позитивный трансфер (перенос сходных элементов из одного языка в другой), либо как негативный (необоснованное перенесение лексического элемента в другой язык⁵⁴). Одним из проявлений этих двух типов трансфера являются так называемые «ложные друзья» (франц. *faux-amis*, англ. *false friends*, *boundary misplacement*) – лексемы в двух (и более) языках, близкие в фонологическом и даже графическом отношении, но различающиеся объемом значений⁵⁵. Таким образом, перенос оказывается обоюдоострым лингвистическим оружием для говорящего: он может помочь в освоении языка, но также может и заманить в языковую ловушку. Такая двойственная природа близких слов стала объектом изучения уже в 1920-е годы [Koessler, Dégosquiny 1928], в теории билингвизма в 1950-е годы (У. Вайнрайх, Э. Хауген, Р. Ладло). В настоящее время «ложные друзья» широко изучаются как на материале устной [Hutz 2004], так и письменной речи [Kramsch, Thorne 2001]. Исследователи сходятся во мнении, что «ложные друзья» в речевой практике билингвов – это проявление языковой коррозии. Это относится не только к устному использованию языка, когда спонтанность, быстрота речевой реакции снижают контроль индивида за своей речью, но и к письмен-

⁵⁴ Ср. следующее высказывание: «[“Ложные друзья”] часто ассоциированы с исторически и культурно соотносительными языками, как английский, немецкий и французский, но фактически “ложные друзья” (*false friends*) имеются в большом количестве также в совершенно несоотносительных языках, как английский, японский и русский» [Baker 1992: 25].

⁵⁵ Ср. следующее определение понятия в теории «переводоведения», где эта проблема «ложных друзей» стоит особенно остро: «Слова, полностью или частично совпадающие по звуковой или графической форме с иноязычными словами при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющие другое значение при известной смысловой близости (отнесенности к одной общей сфере применения)» [Федоров 1983: 140]. Зарубежная литература, рассматривающая данную проблематику, весьма обширна, укажем несколько последних работ [Partington 1998; Armstrong 2005; Ringbom 2006].

ной практике. Встреча когда-то уже заимствованного в русский язык слова со своим прототипом, обладающим в языке-доноре более широким набором значений, оказывает существенное влияние на речевую практику эмигрантов и приводит к развитию в эмигрантском (некодифицированном и кодифицированном) узусе двух взаимосвязанных процессов:

1) активизация или появление слов, схожих в графическом или звуковом облике, но в русском нормативном языке различающихся семантически: *императорская фамилия*⁵⁶ (ранняя калька с нем. *Kaiserliche Familie*), эта калька активизировалась в эмиграции, хотя было возможно и параллельное использование словосочетания *царская семья*:

...знавшие значение воплощенной в Царской Семье угрозы, большевики попытались истребить всех членов ее (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26);

Государь с Государыней стояли вблизи аналая, а дочери Их – Наследник отсутствовал – как и Императорская Фамилия, бывшая почти в полном составе, стояли поодаль. По окончании молебна, во время чтения диаконом Высочайшего Манифеста об объявлении войны, слышались рыдания – то плакали некоторые из членов Императорской Фамилии (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173).

Происходит и неоправданное расширение семантического объема русских слов и смешение синонимичных лексем под влиянием какого-либо иноязычного понятия, семантика которого безразлична к смысловым тонкостям русских эквивалентов; наблюдается так называемая ложная синонимизация. Рассмотрим несколько примеров:

– *красивая* выставка (франц. *beau* «прекрасный, превосходный, отличный»; ср. *très beau* «очень красивый»):

Очень красивая выставка открылась вчера в 2 часа дня в доме № 9 rue Дюрок. <...> Здесь выставлены игрушечные крепости, деревни, куклы, выпуклые лото, хальма и т. д. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163).

– *примитивные* права человека вместо правильного *элементарные* права; смешение на основе общей семы «простой, базовый, основной, изначальный»; ср. англ. *primitive, elemental*, франц. *primitif* (masc.), *élémentaire*, в семантической структуре обоих слов есть общие, пересекающиеся семантические компоненты, которые могли подтолкнуть пишущего к неправильному выбору слова:

Один за одним мы читаем горячие протесты против большевистской деспотии со стороны меньшевиков, соц.[иалистов]-революционеров, в том числе и левых. В этих протестах не только перечислены все преступления большевиков не только против социализма и демократии, но и против *примитивнейших* прав человека. Все партии и группы, социалистические и несоциалистические, жаждут ухода, исчезновения общего врага – большевиков (Возрождение. 1919. 15 окт. № 88).

– *даровать* звание (ср. франц. *décerner des grades universitaires* «присвоить, присудить ученую степень»; очевидно, произошло смешение, вернее – семантическая нейтрализация в языковом сознании пишущего глаголов *присуждать, присваивать* и *даровать* (французский глагол *décerner* может быть переведен каждым из этих глаголов в зависимости от конституции); смешение можно объяснить их стилистической принадлежностью к книжной лексике. В нижеследующем примере, однако, тематика пропозиции

⁵⁶ Этот лексический трансфер (*фамилия* вместо *семья* при наличии в русском языке лексемы *фамилия* в значении «родовое, семейное наименование») часто встречается у иностранцев, изучающих русский (особенно это касается лиц, владеющих европейскими языками). Отмечена она и в устной речи эмигрантов: [Pfandl 1997: 373–394 (цит. по: ЯРЗ 2001: 455)].

требует использования русского глагола *даровать*, так как речь идет о королевской особе):

Сенат Лейденского университета *даровал* почетное звание доктора философии наследнице престола принцессе Юлиане, которая в течение нескольких семестров изучала в университете государство и международное право, а также историю (Руль. 1930. 4 янв. № 2768).

2) семантическое расширение ранних заимствований под давлением прототипа. У индивида формируется лингвоассоциативная цепная реакция: внешнее (формальное, звуковое, графическое) сходство слов → семантическая идентичность давно адаптированного в русском языке заимствования и его прототипа. Назовем этот процесс лексической и семантической аппликацией: наложением нового, калькированного, значения на закрепленное, кодифицированное в русском языке значение, при сохранении формального облика слова. Семантическая аппликация была весьма частотна в эмигрантской прессе и нередко не замечалась говорящими (пишущими). Приведем несколько примеров:

– *аудиенция* (нем. *Audienz* «беседа, прием»; ср. русск. *аудиенция* «официальный прием у какого-либо высокопоставленного лица»):

Парижская радиостанция передала *аудиенцию*, специально посвященную Достоевскому. Вступительное слово произнес Б.Ф. Шлецер, критический очерк – Лев Шестов. Затем были прочтены отрывки из произведений писателя (Меч. 1937. 11 апр. № 14);

– *унитарный* (очевидная калька с франц. *fraction élémentaire* «первичное подразделение»; возможно допустить смешение с *unitaire* «единичный, унитарный»; ср. русск. *унитарный* «объединяющий, единый»):

Технике организации взаимодействия огня и движения невозможно научить даже самой талантливой беседой. Этому умения можно достичь только путем многократной тренировки в работе *унитарного* отделения на реальной местности (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13–14);

– *санитарный* (англ. *sanitary* «очистительный, гигиенический»; ср. русск. *санитарный* «связанный с санитарией; удовлетворяющий требованиям санитарии»):

...в РОВС-е всякое высокое назначение сопряжено с пожизненной индульгенцией на прощение грехов. Поэтому мы и надеяться не можем, чтобы *санитарные* мероприятия добрались до высоких «функционеров»... (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40);

– *практика* (франц. *pratique* «опыт, навык»; ср. русск. *практика* «деятельность врача или юриста»):

Лаксей (garçon), кельнерша и посудомойник с многолетней *практикой* <...> ищут постоянную работу в русских ресторанах [объявление] (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161);

– *универсальный* (франц. *universel* «общий»; ср. русск. *универсальный* «разносторонний, охватывающий многое; пригодный для многого, с разнообразными функциями»):

...жестокой чистке подвергся аппарат и великорусских центров. Особенно пострадали здесь те группы коммунистов, которые были связаны с той или иной областью идеологической работы. <...> Эта *универсальная* чистка не оставила незатронутой и самую верхушку партийной пирамиды: Политбюро (Меч. 1937. 4 апр. № 13);

– *бенефис* (франц. *bénéfice* «барыш, прибыль, доход»; ср. русск. *бенефис* «спектакль в пользу одного из участвующих»; здесь – праздник, радость по поводу хорошего барыша, часвых):

Шоферы, извозчики и ночные сторожа справляли [в новогоднюю ночь. – А.З.] настоящий *бенефис* (Сегодня. 1930. 2 янв. № 2);

– *камера* (франц. *chambre* «отделение суда»; ср. русск. *камера* – одно из значений в СУ таково: «собрание народных представителей в конституционных государствах, палата депутатов (устар.)»). В русском языке метрополии эта лексема вышла из узуса как неактуальная, в эмигрантском же узусе ее существование подкреплялось прототипической формой:

В 1-й *камере* гражданского трибунала деп.[артамента] Сены разбиралось на днях не лишнее интереса дело (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192);

– *импозантный* (франц. *imposant* «величественный, внушительный, представительный»; ср. русск. *импозантный* «производящий впечатление (о внешности, поведении)»):

Польское население Варшавы, Кракова и Познани организуется с помощью многочисленных комитетов для защиты Верхней Силезии. Движение приняло *импозантный* характер (Призыв. 1919. 5(23) сент. № 46);

– *фронтальная*⁵⁷ комната (очевидно, из польск. *frontowa* «фасадная, передняя», куда из франц. *front* «фасад», т.е. комната, окна которой выходят на фасад дома; ср. русск. *фронтальной* «находящийся в первой шеренге; находящийся на передовой линии боя»):

Комната *фронтальная* на Маршалковской с полным пансионом... (За свободу. 1925. 4 янв. № 3 (1407)).

Итак, «ложные друзья» – это конкретное проявление интерференции в языковой практике эмигрантов, возникающее и функционирующее не только в устной речи, но проникающее и на страницы печатной продукции. Смещение ранее заимствованных слов с прототипами в языке-доноре обусловлено несовпадением лексико-семантической структуры сходных (в формальном, графическом отношении) лексем в разных языках и переносом одного из значений иноязычного прототипа. Так появляется семантически модифицированное, рожденное в результате языковой коррозии слово в речевой практике индивидов. Основная морфологическая зона «ложных друзей» – имена существительные и прилагательные. Можно ли только эмигрантов упрекать за смешение близкозвучных слов, относящихся к разным языковым системам? Конечно, нет, так как аналогичные процессы могут происходить и в языковой практике индивидов, живущих в метрополии и использующих различные регистры литературного и разговорного языков. Однако в эмиграции языковой «иммунитет» к такого рода смешению снижается, и в речевой практике не одного или нескольких индивидов, а в массовом количестве, практически в речи всех без исключения эмигрантов, появляются «ложные друзья». С психолингвистической позиции это легко объяснимо: сходство плана выражения слова в русской и иноязычной лексической системе в лингвосознании и речевом поведении говорящего/говорящей вызывает чаще всего не повышенную языковую осторожность, а напротив – психоментальное облегчение: хорошо, что не нужно лишней раз «напрягаться», потому что и «у них» какое-либо слово такое же, как «у нас». Это и служит психологической основой первоначальной идентификации и в дальнейшем субституции двух похожих слов. Возможность же различия в плане содержания близкозвучных лексем отодвигается в лингвосознании подавляющего большинства индивидов на задний план и, как правило, игнорируется. Очевидно, такой психолингвистический процесс,

⁵⁷ В устной речи разница проявляется в ударении: в польском слове ударение на втором слоге, в русском языке прилагательное *фронтальной* имеет ударение на конечном слоге. В письменном тексте эта разница нивелируется.

происходящий в речевом сознании индивида/индивидов, мотивируется и регламентируется так называемым «законом экономии речевых усилий»⁵⁸.

ВЫВОДЫ

1. Тематическая классификация лексических варваризмов позволяет установить наиболее проницаемые зоны для заимствования. Тематика заимствований, представленная в нашем материале, близка к классификации Д. Эндрюса, предложившего семантическую типологию варваризмов/заимствований в речи третьей волны эмиграции (в США). Практически совпадающие семантические типы лексических варваризмов в нашей работе и монографии Д. Эндрюса – свидетельство языковых универсалий в сфере заимствований, независимо от периода (волны) эмиграции.

2. Проникновение варваризмов в русскую эмигрантскую публицистику осуществлялось в следующих тематических зонах: а) профессиональные номинации (преимущественно рабочие профессии, занятия; ресторанное обслуживание); б) общественно-политическая лексика (особенно активно инкорпорировались понятия фашистской идеологии; оценка их была зачастую диаметрально противоположна в разных эмигрантских группах); в) сфера развлечений, культуры; г) спортивная область (преобладают, как и следовало ожидать, английские заимствования, что было связано с интернационализацией английской спортивной терминологии); д) технические номинации немногочисленны, но показательны и свидетельствуют о сосуществовании двух тенденций: сохранении старых, дореволюционных, номинаций и проникновении новых (радио, кино, телевидение); е) бытовые обозначения (прежде всего из французского языка).

3. Вариативность – неотъемлемое свойство, сопровождающее процесс заимствования на графико-орфографическом, морфологическом, лексико-семантическом уровне. Заметно иноязычное влияние (категория числа, рода), вызывающее грамматическую трансформацию старых заимствований.

4. Непосредственное языковое контактирование, отсутствие идеологических лингвоселективных факторов, сдерживающих проникновение иноязычной лексики в русский язык СССР в 20–30-е годы, способствовали более раннему появлению и использованию некоторых иноязычных лексических элементов в эмигрантском узусе, чем в русском языке метрополии.

5. «Ложные друзья» – практически неизбежный спутник билингвальных индивидов, сопровождающий их лингворечевое поведение не только в устной коммуникации, но даже проникающее и в письменные (кодифицированные и лингвоотрефлексированные) жанры и стили. Это происходит вследствие ослабления дистинктивных семантических связей близких лексем в разных языковых системах (русской и иноязычной) и попыток «выравнивания» («подравнивания») значений под один общий графико-фонетический «знаменатель».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арапова 1989 – *И.С. Арапова*. Варваризмы как этап в освоении иноязычного слова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1989. № 4.
- Аристова 1978 – *В.М. Аристова*. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). Л., 1978.
- БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.: Л., 1948–1965.
- Баш 1989 – *Л.А. Баш*. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1989. № 4.
- Брагина 1981 – *А.А. Брагина*. Чужое – всё-таки чужое: О стилистической роли заимствований // Рр. 1981. № 4.

⁵⁸ В этой связи приведем парадоксалистское утверждение Е.Д. Поливанова: «Причина эволюции – лень» [Поливанов 1968: 81].

- БСЭ-2 – Большая советская энциклопедия. Т. 1–30. М., 1969–1978.
- Вайнрайх 1979 – У. Вайнрайх. Языковые контакты: (Состояние и проблемы исследования). Киев, 1979.
- Васянина 2001 – Е. Васянина. Наброски к лингвистическому портрету русских американцев // РЯЗР. 2001. № 2.
- Габинский 1961 – М. Габинский. Проблема лексического заимствования и единый критерий // Уч. зап. Ин-та языка и лит-ры АН МССР. Т. 10. 1961.
- Гловинская 2001 – М.Я. Гловинская. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка) // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М., 2001.
- Грановская 1978 – Л.М. Грановская. О некоторых семантических изменениях в русской литературной лексике последней трети XIX – нач. XX в. // Экскурсы в историю русской лексики. М., 1978.
- Грановская 1983 – Л.М. Грановская. Некоторые особенности развития словарного состава русского языка в 20-е годы и проблема нормы // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.
- Егорова 1983 – Г.М. Егорова. Понятие и классификация заимствованных слов // Проблемы современной русской лексикологии. Калинин, 1983.
- Жанр 2004 – Особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге / М. Лейнонен (ред.). Tampere: Slavica Tampereensia VI. Tampere, 2004.
- Зеленин 1991 – А.В. Зеленин. Рэкет и рэкетеры // Рр. 1991. № 3.
- Зеленин, Михайлова 1993 – А.В. Зеленин, Н.Е. Михайлова. Мафия и мафиози // Рр. 1993. № 5.
- И-64 – Словарь иностранных слов. М., 1964.
- И-79 – Словарь иностранных слов. М., 1979.
- Карцевский 2000 – С.И. Карцевский. Язык, война и революция // С.И. Карцевский. Из лингвистического наследия / Сост., вступит. ст. и коммент. И.И. Фужерон. М., 2000.
- Кимягарова 1989 – Р.С. Кимягарова. Типы и виды адаптаций заимствованной лексики в русском языке нового времени (XVIII–XX вв.) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1989. № 6.
- КСЛТ 1995 – Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович (ред.). М., 1995.
- Крысин 1968 – Л.П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
- Лексика 1981 – Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Ф.П. Филин (ред.). М., 1981.
- Мартине 1999 – А. Мартине. Распространение языка и структурная лингвистика // Зарубежная лингвистика. III / В.Ю. Розенцвейг, В.А. Звегинцев, Б.Ю. Городецкий (общ. ред.). М., 1999.
- МАС-1 – Словарь русского языка: В 4 т. М., 1957–1961.
- Мечковская 2004 – Н.Б. Мечковская. Чем интересен русский язык в рассеянье? Рец. на: Е.А. Земская (отв.ред.). Язык русского зарубежья: Общие вопросы и речевые портреты (= Studia philologica, Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 53). М.; Вена 2001 // RLing. 2004. V. 28.
- Найдич 2002 – Л. Найдич. Русский язык в Израиле // Русский язык в диаспоре: проблемы сохранения и преподавания. М., 2002.
- Новиков 1963 – Л.А. Новиков. О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке // РЯШ. 1963. № 3.
- Новикова 1992 – Н.В. Новикова. Звонкое иноязычие // Рр. 1992. № 4.
- НС – Новые слова и значения: Словарь-справочник (по материалам прессы и литературы 60-х годов) / Н.З. Котелова, Ю.С. Сорокин (ред.). М., 1971.
- Оглезнева 2004 – Е.А. Оглезнева. Русский язык Зарубежья: восточная ветвь // ИАН СЛЯ. 2004. Т. 63. № 2.
- Ож-73 – С.И. Ожегов. Словарь русского языка / Н.Ю. Шведова (ред.). М., 1973.
- Орф-74 – Орфографический словарь русского языка. М., 1974.
- Поливанов 1968 – Е.Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Попов 2003 – Р.В. Попов. Этносоциальные особенности спортивных терминов-американизмов в русском языке // Проблемы сохранения вербальной и невербальной традиции этносов. Кемерово, 2003.
- Протасова 2000 – Е.Ю. Протасова. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // ИАН СЛЯ. 2000. № 4.
- Протасова 2004 – Е.Ю. Протасова. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004.

- Пфандль 1994 – Х. Пфандль. О языке русской эмиграции // Рр. 1994. № 3.
- РЯЗ 2001 – Русский язык зарубежья / Е.В. Красильникова (ред.). М., 2001.
- Сепир 1993 – Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- СУ – Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков (ред.). Т. 1–4. М., 1935–1940.
- СЭС – Советский энциклопедический словарь. М., 1979.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Г.Н. Складовская (ред.). СПб., 1998.
- Шахрай 1961 – О.Б. Шахрай. К проблеме классификации заимствованной лексики // ВЯ. 1961. № 2.
- Федоров 1983 – А.В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., 1983.
- ЯРЗ 2001 – Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Е.А. Земская (ред.). М.: Вена, 2001.
- Amsler 1952 – J. Amsler. Comment parlent les sportifs. La langue du football // Vie et langage. Paris, 1952. № 1.
- Andrews 1999 – D.R. Andrews. Sociocultural perspectives on language change in diaspora: Soviet immigrants in the United States. Amsterdam; Philadelphia, 1999 (= Studies in language and society. V. 5).
- Armstrong 2005 – N. Armstrong. Translation, linguistics, culture: A French-English handbook. Multilingual Matters. 2005.
- Baker 1988 – M.C. Baker. Incorporation. A theory of grammatical function changing. Chicago, 1988.
- Baker 1992 – M.C. Baker. In other words: A coursebook on translation. London; New York, 1992.
- Baker 2003 – M.C. Baker. Lexical categories: verbs, nouns and adjectives. West Nyack (New York), 2003.
- Becker 1970 – K. Becker. Sportanglizismen im modernen Französisch. Meisenheim am Glan, 1970.
- Benson 1957 – M. Benson. American influence on the immigrant Russian press // American Speech. V. XXXII. 1957. № 4.
- Benson 1958 – M. Benson. English loanwords in Russian sports terminology // American Speech. V. XXXII. 1958. № 4.
- Blanc 2000 – M. Blanc. Bilinguality and Bilingualism. Port Chester (New York), 2000.
- Bybee et al. 1994 – J.L. Bybee, R.D. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Cummins 1979 – J. Cummins. Linguistic interdependence and the educational development of bilingual children // Review of educational research. 1979. № 49.
- Dauzat 1929 – A. Dauzat. Le langage des sports // A. Dauzat. La vie du langage. Paris, 1929.
- Field 2002 – F.W. Field. Linguistic borrowing in bilingual contexts. Foreword by B. Comrie. Philadelphia, 2002.
- Fishman 1985 – J.A. Fishman. Positive bilingualism: some overlooked rationales and forefathers // J.A. Fishman, M.H. Gertner, E.G. Lowry, W.G. Milán. The rise and fall of the ethnic revival: perspectives on language and ethnicity. Berlin, 1985.
- Haugen 1953 – E. Haugen. The Norwegian language in America. A study in bilingual behaviour. Philadelphia, 1953.
- Heien 1984 – L.G. Heien. Loanword recognition in Russian // R Ling. V. XXXVIII. 1984. 13 (1).
- Hutz 2004 – M. Hutz. Is there a natural process of decay? A longitudinal study of language attrition // M.S. Schmid (ed.). First language attrition. Interdisciplinary perspectives on methodological issues. Philadelphia, 2004.
- Jaspaert, Kroon 1992 – K. Jaspaert, S. Kroon. From the typewriter of A. L.: A case study in language loss // W. Fase, K. Jaspaert, S. Kroon (eds.). Maintenance and loss of minority languages. Amsterdam; Philadelphia, 1992.
- Jessner 2003 – U. Jessner. A dynamic approach to language attrition in multilingual systems // V.J. Cook (ed.). Second language acquisition, 3. Effects of the second language on the first. Clevedon, 2003.
- Koessler, Derocquiny 1928 – M. Koessler, J. Derocquiny. Les faux amis: ou, les trahisons du vocabulaire anglais. Paris, 1928.
- Kramsch, Thorne 2001 – C.L. Kramsch, S.L. Thorne. Foreign language learning as global communicative practice // D. Block (ed.). Globalization and language teaching. London, 2001.
- Lehikoinen 1990 – R. Lehikoinen. Словарь революции – революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия: Дис. ... докт. филол. наук. Helsinki, 1990. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 32.
- Lehman 1962 – W. Lehman. Historical linguistics: an introduction. New York, 1962.
- Mazon 1920 – A. Mazon. Lexique de la guerre et de la revolution en Russie. 1914–1919. Paris, 1920.

- Meechan, Poplack 1985 – *M. Meechan, Sh. Poplack*. Orphan categories in bilingual discourse: Adjectivization strategies in Wolof-French and Fongbe-French bilingual discourse // *Language variation and change*. 1985. № 7.
- Muysken 2000 – *P. Muysken*. Bilingual speech: a typology of code-mixing. Port Chester; New York, 2000.
- Myers-Scotton 1993 – *C. Myers-Scotton*. Duelling languages. Grammatical structure in codeswitching. Oxford, 1993.
- Myers-Scotton 2002 – *C. Myers-Scotton*. Contact linguistics. Bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford, 2002.
- Naiditch 2004 – *L. Naiditch*. Russian immigrants of the last wave in Israel. Patterns and characteristics of language usage // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 53. Wien, 2004.
- Odlin 1989 – *T. Odlin*. Language transfer: cross-linguistic influence in language learning. Cambridge, 1989.
- Olmsted 1986 – *H. Olmsted*. American interference in the Russian language of the third-wave emigration: Preliminary notes // *Folia Slavica*. V. 8. 1986. № 1.
- Orr 1935 – *J. Orr*. Les anglicismes du vocabulaire sportif // *Le français moderne*. 1935. № 3.
- Pasqualini 1974 – *F. Pasqualini*. Sport et langue anglaise // *Vie et langage Paris*. 1974. № 269.
- Partington 1998 – *A. Partington*. Patterns and meanings: using corpora for English language research and teaching. Amsterdam, 1998.
- Pfandl 1997 – *H. Pfandl*. Normabweichungen und Regelverstöße bei Emigrant(inn)en mit russischer Erstsprache und Lernenden des Russischen als Fremdsprache: Unterschiede und Gemeinsamkeit // *Ars transferendi. Sprache, Übersetzung, Interkulturalität* / D. Huber, E. Worbs (Hrsg.). Frankfurt-am-Main u.a. 1997.
- Poplack et al. 1988 – *Sh. Poplack, D. Sankoff, Ch. Miller*. The cosial correlatives and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation // *Linguistics*. 1988. № 26.
- Poplack, Meechan 1998 – *S. Poplack, M. Meechan*. How languages fit together in codemixing // *International journal of bilingualism*. V. 2. 1998. № 2.
- Ringbom 2006 – *H. Ringbom*. Cross-linguistic similarity in foreign language learning. (Second language acquisition). 2006.
- Sankoff et al. 1990 – *D. Sankoff, Sh. Poplack, S. Vanniarajan*. The case of the nonce loan in Tamil // *Language variation and change*. 1990. № 2.
- Schneider 1974 – *P. Schneider*. Die Sprache des Sports. Düsseldorf, 1974.
- Thomason, Kaufman 1988 – *S.G. Thomason, T. Kaufman*. Language contact, creolization and genetic linguistic. Berkeley, 1988.
- Vierek 1980 – *W. Vierek*. Studien zum Einfluss der englischen Sprache auf das Deutsche. Tübingen, 1980.
- Weinreich 1953 – *U. Weinreich*. Languages in contact. The Hague, 1953.

ИСТОЧНИКИ

- Анархич. вестник** – Анархический вестник. Орган объединенной анархистской организации (в США и Германии). Берлин, 1923–1924. № 1–7.
- Вести дня** – Вести дня. Независимая беспартийная русская газета. Таллинн, 1927–1934 (газета демократического направления).
- Возрождение** – Возрождение (Renaissance). Беспартийная демократическая газета. Копенгаген, 1919.
- Возрождение** – Возрождение. Ежедневная (1925–1935) и еженедельная (1936–1940) газета. Орган русской национальной мысли. Основатель, главный редактор П.Б. Струве. Париж (право-монархическая газета).
- Воля России** – Воля России. Ежедневная газета. Прага. 1920–1921. № 1–327 (с 1922 – журнал политики и культуры. 1922–1932) (газета стояла на эсеровской и сменовеховской политических платформах; с 1925 г. усиливается литературно-критическое направление издания).
- Голос Родины** – Голос Родины. Общественная и политическая газета. Гаага, 1918–1919.
- Голос России** – Голос России. Орган Дальневосточного отдела РОВС. Редактор М.К. Дитерихс. Шанхай, 1931–1932 (военно-монархическая газета, близкая к позициям А.И. Деникина).
- Дни** – Дни. Dni: Russische Tageszeitung für Politik, Wirtschaft und Literatur [Русская ежедневная газета по вопросам политики, экономики и литературы]. Ежедневная (с сентября 1928 г.

- еженедельная) газета. Редактор А.Ф. Керенский. Берлин; Париж, 1923–1928 (газета стояла на эсеровских позициях).
- Младоросская искра** – Младоросская искра. Орган Союза младороссов во Франции. Париж, 1931–1940 (монархическая, профашистская газета, открыто выражавшая сочувствие большевикам).
- Меч** – Меч. Tygodnik rosyjski. Warszawa / Metch (Le Glaive). Hebdomadaire russe. Соредакторы Д.Ф. Философов (Варшава), Д.С. Мерсжковский (Париж). Варшава, 1934–1939 (либерально-демократическая газета).
- Огни** – Огни. Еженедельная газета культуры, науки, искусства и литературы. Прага, 1924 (газета русской художественной и научной интеллигенции).
- Последн. новости** – Последние новости. Ежедневная газета. Париж, 1920–1940 (одна из самых авторитетных эмигрантских газет; отражала кадетские взгляды).
- Призыв** – Призыв. Издание Союза русских писателей и журналистов в Королевстве С.Х.С. [сербов, хорватов, словенцев. – А.З.]. Белград, 1926. № 1–5 (воснная и монархическая газета).
- Рассвет** – Рассвет. Ежедневный орган Российских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады. Нью-Йорк, 1924–1940.
- Руль** – Руль. Ежедневная газета. Берлин, 1920–1931 (правокадетская и либерально-интеллигентская газета).
- Рус. голос** – Русский голос. Русская зарубежная общественно-политическая и воснная газета. Белград, 1930–1940 г. (монархическая и военная газета).
- Сегодня** – Сегодня. Независимая демократическая газета. Рига, 1919–1940 (либерально-демократическая газета).
- Сигнал** – Сигнал. Орган Русского национального союза участников войны. Париж, 1937–1939 (монархическая и военная газета).